

НИНА
ВАСИНА

*Алле паруса
бабушки Несомы*

ДЕТЕКТИВ
НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Нина Васина

Алые паруса бабушки Ассоль

«Автор»

Васина Н.

Алые паруса бабушки Ассоль / Н. Васина — «Автор»,

Произошло загадочное для всех убийство... А затем... В четырнадцать лет я попал в страшную автомобильную аварию. В машине нас было шестеро. Дядя Моня – за рулем. Вы спросите, зачем мы все набились в один автомобиль? Чтобы стать свидетелями при составлении дядей нового завещания... Очнулся я в больнице, судорожно пытаюсь прогнать видение грузовика на повороте. При аварии мой позвоночник удачно повредился, и я, инвалид от рождения, начал ходить!.. Потом я отправился с моим другом Кортиком и его бабушкой Ассоль на яхте под алыми парусами на поиски клада... Вы спросите, нашли ли мы сокровища? Да, только не там, где искали!..

© Васина Н.

© Автор

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Нина Васина

Алые паруса бабушки Ассоль

Совпадения судеб персонажей романа с судьбами известных людей случайны – это всего лишь игра моего воображения.

*Не ищи рыбу на вершине дерева,
Не кипяти бамбук, когда ты возвращаешься домой.*

Гэнро

* * *

В тот год, когда мне купили пуделя, в Бразилии был убит русский летчик-испытатель. Он погиб от выстрела в голову в гостинице Рио-де-Жанейро. Стреляли из мелкокалиберного пистолета, гильза не найдена. Летчик прибыл с командой своих коллег на выставку новых оборонных технологий. Кроме организаторов-устроителей было еще шесть летчиков и шесть самолетов. По одному летчику на каждый. Таким образом, один самолет осиротел. А пуделя назвали Улисс. Я знаю, почему произошло убийство, но это никого не интересует. Умереть – не встать! – как любит повторять моя матушка. Спорим, что сообщений о пропаже с еще не открывшейся выставки одного небольшого экспоната не будет. Пропал рентгеновский сканер, умеющий находить любой металл путем фазового анализа кристаллических структур. Ему отыскать свинец в куче металлолома – раз пять пикнуть, и все дела. Небольшое такое устройство, но денег за него должны были отвалить немало.

А в тот год, когда пудель Улисс придушил индийского петуха соседки, случился небольшой шпионский скандал в Германии. Из Гамбурга был срочно отозван представитель российского консульства. Этот самый представитель приобрел некую секретную документацию из архивов немецкого бундесвера. За десять тысяч евро служащий архива вынес ему одну бумажку.

Два события связаны друг с другом, и я расскажу как. А началось все в 1943 году. В оккупированном Крыму немцы выпускали газету на русском и немецком языках.

Возьмем парочку этих газет 1944 года, подложим к ним один-единственный листок бумаги за десять тысяч евро из Гамбурга, украденный в 200... году, положим сверху датчик на радиоактивность, который работает под водой, еще нужно добавить водолазный костюм с полным подводным снаряжением и сварочный аппарат. Эту композицию для поиска сокровищ можно слегка поднатюрмортировать трупом, чучелом собаки и фартуком с рюшечками.

А как же рентгеновский сканер, мгновенно определяющий любой металл по кристаллической структуре? – спросите вы.

Да он нам на фиг не нужен.

«Люди – это обитатели так называемых четырех материков и тому подобного». Хорошо сказано, да? Мне больше всего нравится – «и тому подобного». Я уж точно обитатель «тому подобного»¹. Я обитаю в брошенном подъемном кране. По крайней мере, этим летом. Когда просыпаешься на высоте сорока пяти метров, и чтобы посмотреть на часы, берешь подозрную трубу... Эти часы находятся на фасаде какого-то государственного учреждения, там, далеко внизу, на одном из материков, они попеременно показывают то время, то температуру воздуха.

¹ Здесь и далее – цитаты из книги «Буддизм» в переводе М. Кожевниковой при участии С. Согласнова.

Я могу разглядеть светящиеся цифры только до полудня. Потом солнце светит прямо в эту долбаную электронную панель, и так до сумерек, но если день пасмурный – все в порядке.

Ветер – вот в чем проблема. Никогда в жизни не ощущал такого ветра. Он раскачивает кабину и воет на все голоса. Мой друг вчера мне сказал, что внизу ветра нет. Я не поверил. Мы спустились, и оказалось, что в кране я здорово подсел на одиночество. Толпы разнополых обитателей так называемых четырех материков пугали меня до тошноты. В какие-то моменты даже казалось, что они просачиваются сквозь меня запахами и за время просачивания наполняют мое испуганное тело биением чужого ритма – оказывается, у всех кровь пульсирует по-разному.

Мой друг. Я зову его Кортик. А в школе все звали его Икарусом, потому что он Кортнев, а по имени – Икар. Ничего себе имечко, да? Вроде это бабушка придумала его так назвать. У него вся семейка пришибленная, не иначе – надо же было согласиться на такое имя. Хорошо, что Кортик со своей родней редко видится. Можно сказать, не видится вообще. Когда он родился и его первый раз принесли покормить, у матери слезы полились из глаз, и лились беспрерывно, пока Кортик сосал молоко. В следующее кормление повторилось то же самое. Матери, ясное дело, дали успокоительное, только она вдруг стала просить обследования, уверяя, что дело тут нечисто. Потом посмотреть на младенца разрешили отцу. И как только тот взял на руки маленького наследника, у папаши начался нескончаемый чих минут на двадцать. Кортик рассказывал, что в родильное отделение к выписке пригласили почти всю родню – двух сестер матери, старшего брата отца с семилетним сыном и дедушку. И что вы думаете? Все, кто приблизился к новорожденному, стали чихать, вытирать слезы, а племянник даже покрывлся подозрительной сыпью и для профилактики провел некоторое время в инфекционной больнице.

Знаете, что я первым делом спросил, когда Кортик рассказал мне эту историю? Где была бабушка, которая придумала назвать нормального пацана Икаром? Почему не пришла? А бабушка была в это время в Африке, но об этом – позже.

Аллергия – вот в чем была фишка. Все, кто имел даже самое отдаленное родственное отношение к Кортику, в младенчестве не могли его и на дух, что называется, переносить. Конечно, отец с матерью долго не сдавались – года три. За это время сначала одна няня, потом – другая, потом – домработница таскали на руках и всячески баловали и тискали весьма упитанного ангелочка с золотыми кудряшками – им-то аллергия была нипочем. Потом приехала из Африки бабушка, которая придумала внуку имя, но, узнав о странных особенностях его организма, видаться с Икаром не захотела. Она перед каждым вылетом в Африку делала уйму прививок, очень беспокоясь за состояние пяти из шести своих основных сознаний, которые даются глазами, ушами, носом, языком и кожей. То есть всем, чему могла нанести хоть какой-то вред аллергия, вызываемая у родни Икаром Кортневым, трех лет от роду. Я сказал – из шести? Ах да. Шестое сознание дается, как говорил далай-лама XIV, умом. Вот за свой ум бабушка Икара была спокойна, поэтому в основном общалась с внуком по телефону. «Пуси-муси, как там поживает мой маленький Икарчик? Что ты сказал? Пук-пук? Тебе показали мою фотографию? Это я, твоя бабулечка», – и в таком духе.

В доказательство своих необычайных способностей воздействовать подобным образом на генетических родственников, Кортик как-то показал мне фотографию. На ней, тесно скупившись вокруг единственного стула, полдюжины взрослых обитателей «четырех материков и тому подобного», сморщив лица или прищурившись, чтобы уменьшить щипание в носу и резь в глазах, изо всех сил стараются не пропустить вожака «птичку» фотографа. А в центре сидит на стуле залитая слезами улыбающаяся женщина и держит на коленях непогре-

шимо прекрасного рекламного пожирателя быстрорастворимых завтраков, йогуртов и другого детского питания.

Короче, это была история Крошки Цахеса – наоборот. Я много раз пытался всучить эту сказку Кортику для подробного изучения, но он закисал на пятой странице, пришлось в конце концов объяснить своими словами, в чем там дело. Цахес был уродом, а мой друг детства – красавчиком, которого все обожали до слюноотделения (кроме ближайших родственников, разумеется). Но когда обожатели узнавали, что семья этого лапочки *физиологически* не может находиться с ним рядом, их восхищение затухало до состояния чуть тлеющего костра раздумий на тему «это знак, что красота должна настораживать», и... так оно и получалось!

У большинства людей память начинает функционировать с пяти лет, то есть появляются воспоминания, которые потом регулярно напоминают о себе мозгу. А я помню до мельчайших деталей день, когда мне исполнилось четыре года. Это был настоящий шок – дверь открылась, моя матушка ввела в комнату Кортика и сказала, что *это* существо будет жить с нами. Ничего себе подарочек на день рождения маленькому горбуну, который до этого дня видел сверстников только в санаториях для инвалидов и из окна квартиры! Почему она это сделала? Я уверен, что, если вы подумаете минуты три, перебирая разные варианты, вы остановитесь на самом простом объяснении. Я-то сам потом все время ловил себя на подозрении, что ей просто необходимо было хоть иногда тешить свой материнский взгляд на совершенном детском теле. Чтобы не свихнуться. Три минуты прошло? Все просто – она была домработницей у Кортневых. Выбирая между двадцатилетней студенткой педагогического колледжа (няней Икара) и сорокалетней мамой инвалида детства с дипломом сиделки-медсестры, родители Кортика, естественно, предпочли мою матушку и предложили ей хорошо оплачиваемую работу на дому.

С тех пор место, в котором мы живем, матушка называет «Надом», с ударением на «о». Надом – это благоустроенная зимняя дача в дорогом и хорошо охраняемом месте недалеко от Москвы. Два этажа, кухня метров восемьдесят, бильярд в подвале и три санузла, совмещенных с гидромассажными ваннами. Матушка не просто прослезилась, а ударилась в рыдания минут на десять, когда увидела последствия «небольшого ремонта, необходимого для переселения». Пандусы. Пандусы для въезда инвалидных колясок – это сразило ее наповал. Даже больше, чем два гимнастических кольца над унитазом. Даже больше, чем электрический подъемник от подвала до чердака – это была металлическая открытая кабинка. Когда в нее въезжаешь, играет шарманка, как в музыкальных шкатулках – «...Ах, мой милый Августин!..» Таким образом весь дом знает, куда инвалид отправился.

Кстати, как вы думаете: что сделал упитанный трехлетний красавчик после того, как вошел ко мне в комнату? Пока я, зависнув в невесомости шока, соображал, что это такое передо мной – бог, полубог, голодный дух, животное или мученик адов, он, возбужденно засопев, подошел близко-близко и выволок меня из инвалидного кресла. Естественно, его заинтересовала коляска. Дядя Моня с большим трудом переправил мне это средство передвижения из Англии – у нас в стране детские коляски были тогда большой редкостью. Обнаружив, что я осел мешком на пол и не собираюсь отстаивать свое средство передвижения, Кортик оттащил меня к стене, сел в коляску и попытался передвигаться.

Будда Шакьямуни определил шесть типов живых существ, которые движутся в круговороте бытия. Кроме вышеперечисленных, у него есть «люди», но мне и в голову не пришло, что появившееся существо могло быть человеком. Богом и полубогом я его тоже недолго считал.

Завалюсь у стены и наблюдая потуги этого мальчика справиться с коляской, я выбирал между голодным духом и животным (мучеников адов я тогда уже представлял себе вполне конкретно).

Забыл сказать, что к Надому прилагались повар и приходящая уборщица с такими странными именами, что уже и не вспомнить – это были муж и жена, корейцы, но моя меркантильная матушка тут же настояла, чтобы эти должности отдали ей. С соответствующей оплатой.

Я читаю все подряд с трех лет. К пяти годам начался период потребления информации, который моя матушка условно определила, как «рекламно-вспомогательный». Я стал читать рекламу. Не всю, а только ту, на которой была изображена физиономия Кортика (упаковки с фруктовыми смесями, сухим питанием) или он в полный рост – «Только в наших памперсах ваш малыш сможет всесторонне познавать жизнь!» Я добивал взрослых вопросами: почему меня только половина? И в свои четыре года получил от дяди Мони книгу, которая изменила мое отношение к ушербному телу: оказывается я – полубог! И я был им долго. Года два. Постепенно потом опуская осознание себя до мученика адов.

Итак, наша жизнь резко переменилась. Во всех комнатах Надома (кроме спальни матушки и одного туалета, того самого, где над унитазом болтались гимнастические кольца) были установлены небольшие приборчики по углам потолка. К шести годам я узнал, что это видеокamеры. Они передавали любящим родителям Кортика его жизнь во всех подробностях. Например, звоня Кортику вечером, чтобы пожелать ему спокойной ночи, родители могли включить у себя ближний план, чтобы чмокнуть на экране сына в щечку. Современная техника позволяла им разглядеть лицо своего сыночка в мельчайших подробностях. Как и наволочку в цветочек, и коллекцию его козюль из носа, которыми Кортик облепил стену у кровати. По этому поводу моя мать даже водила его к психиатру, строго отобранному родителями Кортика.

Лично мне к шести годам были подарены: набор стамесок для резьбы по дереву, акварельные краски и бумага для них, вязальный крючок и спицы, и самое дорогое – набор инструментов слесаря-электрика. Я оценил умственный уровень родителей Кортика и их душевные потуги занять меня полезным делом и тут же попросил телеграммой браунинг № 1347. «Спасибо за подарки, но не могли бы вы взамен всей этой ерунды раздобыть для меня одну редкую вещьцу...»

Представляю их физиономии!!

Хотя кое-что из подаренного потом пригодилось.

После моей телеграммы родителями Кортика для меня был приобретен компьютер, достаточно мощный, чтобы спустя два месяца после его установки, используя набор слесаря-электрика, я замкнул на свой монитор все видеокamеры в доме. Для этого мне понадобилась физическая помощь Кортика. Кроме прочего, он быстро сообразил, как правильно подавать дрель вверх одной рукой, и выучил названия инструментов и тоже протягивал их мне по первому требованию. После чего мы с Кортиком подружились навек.

Окончательно наша дружба окрепла после того, как отец и мать Икара вдруг обнаружили на одном из экранов наблюдения в своей московской квартире, что у их сыночка выросли небольшие рожки, к тому же он стал передвигаться по стенам и потолку комнат, пользуясь присосками на пальцах рук и ног. Голый. Образ придумал Кортик, а обработал адолами я. Начали мы с маленькой хохмы – весьма реально поместили в комнату Кортика огромный виртуальный унитаз. Почему-то реакции родителей не последовало. Тогда несколько вечеров подряд я помещал виртуального Икара спать на этом унитазе. И опять – ничего. То ли родители Икара устали ежеминутно пялиться в экраны, наблюдая жизнь сына, то ли решили, что это такая игрушка или современный предмет интерьера.

После того как Икар решил существовать на экранах родителей в образе варвара Монго, отец Кортика, оценив влияние инвалида на его сына как вполне допустимое и даже развивающее, подключил мою машину к Интернету. Вовремя, кстати, потому что Кортику уже выбрали школу и наняли шофера с машиной для доставки туда и обратно. И я остался не у дел, поскольку матушка, естественно, отказалась от предложенного мне родителями Кортика приходящего учителя начальных классов. Ей бы пришлось тогда каждый раз снимать любимый халат и рваные тапочки и надевать что-то приличное.

К этому времени мне стало совершенно ясно, что Кортик – голодный дух. Будда Шакьямуни определяет это понятие как «разновидность существ, мучимых голодом и жаждой». Кортик всегда был голоден. И не только в отношении к еде. С той же жадностью, с какой он поедал мясо с овощами и маринованными улитками, он пожирал глазами окружающий мир, иногда впадая от созерцания в экстаз, похожий на затяжной умственный ступор, в котором его родители и психолог в школе тут же определили начальную стадию слабоумия. Он не отличался особым рвением в учебе, и жажда познания нового возникала внезапно только от созерцания или ощупывания чего-то непонятного.

Я терпеть не могу мясо с большим количеством тушеного лука, с желтой шафрановой подливой, в которой плавают куски баклажанов, моркови и скользкие тельца заморских улиток. От одних воспоминаний тянет блева-а-а...

О чем это я?.. Ах да, о голоде моего друга. В девять лет у него были глисты. Он сам обнаружил их в унитазе на своих экскрементах. Я предполагал, что он разглядывает много чего, на что у меня не хватает ни сил, ни желания смотреть, но глисты!.. Так вот, обнаружив паразитов, он задался целью изучить досконально, что это такое, и как в его теле может существовать нечто подобное. Прочитав все, что можно, об аскаридах, он перешел к солитерам, подкожным червям и закончил червеобразными личинками сибирского комара, которые живут у человека в глазу. Свое восхищение этим странным миром делил он, естественно, со мной, и обычно – на ночь. Потому что днем после школы у Кортика по расписанию сначала были: балльный класс – бассейн – уроки музыки. С четвертого класса балльные танцы заменились теннисом, бассейн остался, а уроки музыки тайком от родителей Кортик стал проводить вместе с шофером в тире, иногда с наушниками на голове. Он просто смотрел, как стреляют. Оружие ему еще не давали, потому что детских пистолетов не было.

И как раз после тира, когда оглохший Кортик, как обычно, еще часа два разговаривал слишком громко даже для моей матушки (а уж она была мастер поорать), я выслушал подробное описание длинного нитеподобного червяка, который живет в глазу человека. И пошарив по просьбе Кортика по Сети, нашел изображение треклятого комара, после укуса которого в глазу образуется эта мерзость, и еще несколько минут мы созерцали этот ужас – тонкую дергающуюся черную ниточку в белке увеличенного в несколько раз глаза. Я – затаив в страхе дыхание от вида возможного существования мученика адов в другой жизни. Он – шумно сопя от восторга.

К этому моменту нашего совместного существования я навсегда определил для себя одну истину: Кортик был идеально обучаем и подчинялся любым идеям именно в период своего увлечения чем-то. Воспользовавшись его увлечением червями, живущими в людях, я целенаправленно подвел Кортика к обсуждению еврейского вопроса. Удивлены? Да запросто. В один из вечеров я показал ему на экране, как выглядят личинки и взрослые особи свиного цепня. Кортик с интересом узнал, что именно личинки этого рода глистов могут попасть с кровью в

мозг человека и сильно влиять на состояние здоровья, вызывая припадки, подобные эпилептическим, потерю памяти и много еще чего удручающего. Я рассказал историю, как в Иллинойской еврейской общине к врачу с такими проявлениями организма обратилось с дюжину представителей племени, у которого свинина абсолютно не присутствует в пище. Тем не менее именно свиной цепень поселился в мозгу этих достойных сынов израилевых. После обследования врачом мест проживания заболевших евреев источник заражения был определен.

И предложил Кортику угадать, что это за источник.

Сначала он добивал меня предположениями о поедании членами общины, тайком от близких, плохо прожаренной свиной грудинки. Я категорично и даже насмешливо отверг это. Потом в ходе нашей беседы Кортик узнал, что мы с матушкой евреи, и эта новость вызвала у него непреодолимое желание немедленно узнать, почему евреи не едят свинину, и кто они вообще такие.

Вероятно, больше всего его задела насмешка. За месяц Кортик завалил нас с матушкой невероятными подробностями из жизни рабов, которые под предводительством Моисея удрали от египтян и долго потом бродили по Синайской пустыне.

Здесь нужно уточнить, что моя матушка не приветствовала развитие подобного интереса у мальчика славянской внешности, да еще на почве изучения глистов. Свои опасения она определила конкретно:

– Он и так в рот тебе смотрит и выполняет все твои прихоти. Но если этот ребенок потребует у родителей обрезания, а ты уже знаешь, что он умеет быть настойчивым, мы лишимся всего этого. – Она обвела большими глазами пространство, вероятно, определяющее для нее достойную жизнь. – Быстро расскажи ему, кто заразил иллинойских евреев свиным цепнем, и покончим с этим.

С еврейским вопросом было покончено только тогда, когда я предложил Кортику найти на карте мира Индонезию. Почему – Индонезию? Потому что именно повара из этой страны, выписанные на работу в еврейскую общину, явились переносчиками свиного цепня и заразили кошерную пищу, не соблюдая правила гигиены. Вот такие дела.

Устав, наконец, от изучения глистов, еврейской истории и особенностей жертвоприношения индонезийской богине Кали, Кортик как-то раз задумчиво ощупал мой горб, а уж последствия такого способа познания им окружающего мира в полной мере ощутила на себе моя матушка. Почти неделю он добивал ее подробными объяснениями, что это такое, притащил анатомический атлас, а для подтверждения своих познаний иногда врвался в мою комнату и щупал, щупал, щупал мою спину, пока я не огрызался и не старался увильнуть от него на коляске.

Между Надомом, в котором мы поселились, и соседними дачами не было забора в прямом значении этого слова. Были небольшие столбики сантиметров тридцать в высоту и декоративная оградка между ними. По утрам с ранней весны до первого снега нас будил громкий крик петуха, который приходил с соседнего участка, облюбовав крышу нашей беседки. Взлететь на нее он не мог. Забирался по вьющемуся винограду при помощи когтистых лап, помогая себе иногда еще и клювом – как заправский попугай. Матушка гоняла его (она любила поспать), а Кортик ловил и ощупывал кур, пораженный их умением вращать внутри себя и выталкивать потом яйца. Ему очень хотелось нащупать момент затвердевания скорлупы. Четыре курицы стоили моей матушке как целый свадебный баран. Потому что, как уверяла соседка, после ощупывания Кортиком они переставали нестись с той регулярностью, что прежде, и вообще впадали в куриный невроз. Именно чтобы не допустить куриного невроза у оставшихся несушек (это были какие-то особенные курицы, индийской породы, с лохматыми лапами), моя мудрая

матушка указала как-то на петуха, на наших глазах топчущего курицу с остервенением одуревшего садиста. Кортик тут же пошел выяснять, как тот удерживает курицу, которую догнал с большим трудом. Петух, понятное дело, был занят и не сразу обнаружил врага. Глаза его были в экстазе закрыты, клювом он пригибал голову курицы к земле.

Не больше полминуты понадобилось Кортику, чтобы все выяснить, и петуху, чтобы доказать, кто в округе хозяин. Петух захватывал курицу с боков своими торчащими в стороны боковыми пальцами-шпорами с ужасающими когтями. Как раз накануне мы с Кортиком думали – зачем петуху такое неудобное при ходьбе приспособление?

Теперь Кортик понял – зачем.

Я с удивлением увидел, как петух взлетает. Он взлетел высоко и летел, летел, выставив свои ножищи вперед, чтобы достать ими убегающего Кортика...

– Вы их видите?! – кричал Кортик, даже перед лицом опасности указывая нам на очередное открытие. – Видите отогнутые пальцы на лапах? Это чтобы курицу держать!..

Потом, когда мы обмазывали раны Кортика зеленкой, я объяснил матушке ее промах, и она, мудрая моя, никогда больше не указывала Кортику на что-то необычное или странное, как это делают мамы подрастающих детей. Но и не пресекала его попыток познать окружающее. Вследствие чего Кортик был укушен обезьяной (при попытке пересчитать ее зубы и удостовериться в ее человекоподобности), получил ожог при плавке серебряной пули для вампира (из бабушкиной серебряной ложки, а охотничье ружье ему обещал дать шофер) и сотрясение мозга от удара протезом по голове, полученного от какого-то совершенно мирного и незлобивого с виду старичка в парке.

Матушка тогда очень обеспокоилась, даже расплакалась, старичок и сам был не рад, совал всем сбежавшимся на шум свою отстегнутую искусственную ногу, которую Кортик сначала вежливо попросил отстегнуть и потом «поносить», что, естественно, было воспринято как жуткое глумление.

Что он сделал с серебряной пулей? Вот это интересно. Кортик засунул ее в... – угадайте, в какое оружие? – и выстрелил в вампира с Черной дачи. Что сделал вампир? Хороший вопрос. А я попал в автокатастрофу и потом поселился в башенном кране. Вы считали когда-нибудь, сколько ступенек нужно проползти, чтобы забраться в его кабину? То-то же.

У меня есть подозрительная труба, часы, на которые нужно смотреть в подозрительную трубу, когда на них не светит солнце, но это я уже рассказывал...

В машине нас было шестеро. За рулем, естественно, дядя Моня. Почему – естественно, если ему пошел восемьдесят третий год? Потому что это была его машина. Рядом с дядей Монею сидела, естественно (она всегда там сидит, чтобы руководить поездкой), его пятая жена Анжела. Лет на сорок моложе мужа, но уже со старческой настойчивостью отстаивающая свое мнение в споре – с кем поведешься... Сзади сидели моя матушка, ее сводная сестра Люцита и вторая жена дядюшки Марушка. Вот так. Я был шестым.

Учитывая вес и габариты трех женщин на заднем сиденье, никакой, даже самый прилежный джинн не смог бы втиснуть между ними мое тщедушное тело весом сорок килограммов. Увы! Он и не втиснул. Я сидел на коленях у второй жены моего дяди, и она то и дело промокала надушенным платочком пот унижения и стыда, стекающий по моему лицу.

Зачем, спрашивается, нужно было набиваться в одну машину? Вот и я спросил у матушки, когда очнулся под белым больничным потолком, – зачем? Она объясняла, плача, что-то о необходимости присутствия всех нас у нотариуса при подписании дядей Монею очередного завещания. Я поинтересовался, почему дядя Моня не тащит каждый раз к нотариусу всех своих жен, почему из бывших была только одна – вторая? Мы бы тогда не помести-

лись в одну машину, кто-то избежал бы аварии... Матушка объяснила, что из бывших жен к моменту аварии в живых осталась только вторая, остальные умерли. Ее лицо расплывалось, да и сама матушка иногда вдруг начинала приподниматься над моей кроватью к потолку... Я же судорожно сжимал веки, чтобы прогнать видение тупорылого грузовика, который дядя Моня настойчиво игнорировал, уверяя свою пятую жену, что по светофору мы должны повернуть первыми.

Хотя... Вот, к примеру, такая важная деталь: втиснувшись в машину, мы совершенно забыли о моей коляске, которая осталась одиноко стоять на лужайке у дома. Сейчас-то я понимаю, что это был знак судьбы – никто из пятерых взрослых, и я в том числе, не вспомнил о багажнике на крыше – именно туда она и загружалась, обычно это делала матушка. Коляска больше не понадобилась. Во время аварии мой позвоночник повредился весьма удачным образом – освободились какие-то защемленные нервы, что-то атрофированное получило мощный приток крови, всего-то и делов осталось – научиться пользоваться вдруг ожившими ногами.

Повиснув в странной конструкции из металлических стержней на колесиках, я учился ходить, объезжая коридоры и навещая своих пострадавших в аварии родственников. И не обнаружил тетю Люциту. Мама, отведя глаза, сказала, что ее больше нет с нами.

Но не будем забегать вперед.

Вот интересно, из всего того, что я успел наболтать, что вам хочется узнать поподробнее: Из чего Кортик стрелял серебряной пулей?

Умер ли от серебряной пули вампир?

Кому дядюшка Моня завещал свой дом в Англии?

Где я взял подъемный кран и подзорную трубу, или...

На фиг мне был нужен браунинг № 1347?!

Любовь – вот в чем была основная проблема Кортика. Я-то этому слову особого значения не придаю, для меня оно условно, что-то вроде вечно неутолимой жажды. В круговороте бытия есть три сферы: мир желаний, мир форм и мир без форм. Кортик существовал в мире желаний, а я в мире форм. В мире желаний существа предаются удовольствиям от желанных форм, звуков, вкусов и осязаемых объектов. Все это вместе и представляло для моего друга основы любви. Мне иногда казалось, что хорошую музыку, от которой Кортик цепенел и начинал грызть ногти, он любил так же, как и вкусное жаркое или пудинг. Правда, с осязаемыми объектами у Кортика всегда были проблемы. Обнаружив объект, который его заинтересовал, он тут же бросался его щупать. И так с девяти лет. Именно в этом возрасте он впервые так настойчиво осязал одну нервную девочку в гимназии, что был отчислен, и никакие потуги родителей Кортика, которые решили выстроить для гимназии крытый бассейн, не помогли.

Кстати, впоследствии подросток Кортик тупо продолжал делать то же самое с заинтересовавшими его объектами – немедленно осязать, но последствия уже были иными. Некоторые объекты женского пола такие нападки красивого мальчика воспринимали как вполне допустимое ухаживание, а остальные – как роковое вмешательство в целостную оболочку их бытия, и требовали клятв в верности и обещания жениться.

Что я делал в мире форм? По Будде я находился в его низшей части, в которой существа не увлекаются внешними удовольствиями, а испытывают наслаждение от внутреннего созерцания. Не скажу, что я испытывал особое наслаждение от созерцания собственного внутреннего «я», но видя потуги Кортика познать окружающий мир, часто уважал себя за отстраненность, с которой выслушивал подробности его первого опыта, – ни зависти, ни чувства обиды за свою неполноценность у меня не возникало. Скажу больше: наслушавшись Кортика, я иногда подозревал, что, миновав мир желаний и мир форм, сразу вознесся в своем отречении от

жизни в мир без форм, в котором царит лишь сознание, а пять чувств, дающих наслаждение, отсутствуют там напрочь. И тогда мудрая матушка, обнаружив зависший в моих глазах восторг и упоение от приоткрывшейся вдруг вечности, быстро возвращала меня в мир форм болезненным выворачиванием левого уха или подзатыльником. Я тут же ощущал свое тело и его унылые потребности и не обижался – она-то в моих зависаниях предполагала худшее, прятала режущие предметы и снотворное и на всякий случай готовила на ужин курицу с черносливом.

Вечность – это пустота. Пустота тоже не имеет границ. Это я сам придумал.

Через три года нашего проживания в Надоме родители Кортика – оба! – пожаловали в гости. Матушка очень волновалась перед этим визитом, отчего, вероятно, разбила две чашки из «бабушкиного» сервиза. А когда мама Кортика попросила приготовить чаепитие именно с этим сервизом, матушка от волнения уронила в кухне еще и заварочный чайник. Отец Кортика пошел узнать, что разбилось, потом минут пятнадцать успокаивал жену, а та плакала, уверяя, что помнит этот сервиз с детства и очень его любит. В результате через полчаса их пребывания в Надоме трудно было понять, отчего у обоих супругов слезятся глаза и опухли носы – от расстройства или от аллергии. Кортика на всякий случай отсадили в другой конец комнаты, а его родители закапали себе капли в нос и натянули на лицо небольшие респираторы.

Так что, когда моя матушка, ужасно нервничая, принесла в гостиную поднос с остатками сервиза, вазочками с вареньем (сама варила), слегка подгоревшим (от волнения) печеньем, и громко закричала от ужаса, увидев родителей Кортика в респираторах, и с грохотом уронила поднос, никто не удивился.

Вернее, мы с Кортиком не удивились, а что там происходило с супружеской парой, предохраняющейся от аллергии, все равно было незаметно.

Пока матушка убирала все с пола, они говорили по очереди. Сначала – отец, приподняв пяточек респиратора и установив его на лбу. Потом он возвращал его на место, а говорила мама Кортика, просто оттянув устройство от носа вперед.

Мы с Кортиком так были захвачены этими манипуляциями, что почти не обращали внимания на слова. Воспринимая их объяснения с безалаберностью семилетки, я понял только одно: родители Кортика собрались разводиться, пошли к врачу, который мирит расписовавшихся супругов, и тот посоветовал им родить еще одного ребенка. От такого предложения родители Кортика расписывались еще больше и рассказали о трудностях воспитания детей при проблемах с аллергией. Тогда умный доктор предложил завести каждому из супругов по ребенку на стороне, а брак не расторгать. И родители приехали сообщить Кортику, что мама беременна, а у папы тоже будет ребенок – родит его одна хорошая женщина, с которой папа давно дружит.

От такого известия моя матушка уронила совок с осколками сервиза и печеньем, пошатываясь, добрела до кресла, где и свалилась, схватившись за голову.

– У тебя будут братик и сестричка, – сказали родители Кортику. – У них разница приблизительно в полтора месяца.

Потом они стали приводить в чувство матушку. Она, добрая моя, очнувшись, о себе не думала. Сразу попыталась разобраться с проблемами родителей Кортика. Спрашивала, что ей придется делать, если новорожденные младенцы тоже будут раздражать своим присутствием слизистые оболочки и дыхательные пути отца и матери. Она сказала, что такое случается – у некоторых бывает аллергия на кошек, у некоторых – на цветы, а у кого-то – на детей, и те родители, у кого аллергия на детей, не заводят их в большом количестве, а концентрируют свои невостребованные материнские и отцовские инстинкты друг на друге.

Матушку уверили, что все будет хорошо.

Получилось действительно хорошо.

У мамы Кортика родилась девочка, а у папы – мальчик. Когда девочку принесли кормить, мама залилась слезами, и даже анализ не потребовалось, чтобы сразу определить – это аллергия.

Вы спросите, что же тут хорошего?

А то, что, во-первых, в результате этого эксперимента со сменой половых партнеров был точно установлен генетический носитель аллергена – это оказалась мама Кортика. Во-вторых, его папа от девочки не плакал и не чихал, а биологический папа девочки и чихал и плакал (из чего я лично сделал вывод, что эта напасть заразна при обмене жидкостями со слизистых оболочек). Было решено, что девочку будет кормить та женщина, которая родила папе мальчика, а мальчика отдали на вскармливание маме Кортика. Жить они стали общей двухматерной семьей, и моя матушка, уже готовившая для малютки комнату в Надоме и подыскивающая кормилицу, вздохнула с облегчением.

Для Кортика это был переломный момент. Он как бы нашел наконец для себя приемлемое объяснение своего вынужденного сиротства: раньше это как-то было завязано на особенностях его организма, что угнетало и настораживало. Теперь же отсутствие отца с матерью объяснялось их тяжелыми обязанностями по выращиванию двух однолеток – Кортик и его организм были тут ни при чем.

Письма от родителей по электронной почте он получал регулярно, но чувствовал себя более свободным.

– Когда они совсем про меня забудут, – объявил он как-то за завтраком, – я уйду в горы и буду там жить один.

Я был уверен, что про меня эти экспериментаторы уж точно забыли, однако еще через три года на чердаке Надома у одного из мансардных окон была установлена мощная подзорная труба. На треноге.

Мне тогда исполнилось десять. Накануне двое рабочих под строгим присмотром матушки затащили коробку на чердак и возились там больше часа. И я до малейших мелочей запомнил этот день рождения. Открытая металлическая кабинка поднималась медленно – Августин был «милым» раз шесть. В какой-то момент перед моим лицом появились поверхность чердачного пола и три растопыренные стойки. Потом я увидел подзорную трубу. Сознаясь, родители Кортика сильно повредили тогда мою защитную оболочку, дав пробиться наружу почти всем основным сквернам: эгоистическому желанию, злобе, ненависти и гордости. Да-да, именно гордости. Я был горд, что могу с ненавистью отвергать такие подачки калеке-горбуну. Я был бы меньше оскорблен, предложи они мне космический корабль. Конечно, я вышел из себя.

Позже, объясняя Кортику мое «психованное», как определила матушка, поведение, я сказал, что в тот момент две грандиозные мечты наложились одна на другую и усугубили этим невозможность осуществления каждой: мечта человечества о небе и звездах и моя мечта о самостоятельных передвижениях по земле.

– Запомни! – шипел я в лицо озадаченному Кортику. – Никто из людей никогда не сможет сам оторваться от земли и взлететь, пока все обезноженные психованные калеки не пройдутся по этой самой земле.

– Люди давно уже летают в самолетах и космических кораблях, – осторожно напомнил Кортик.

Тогда я остервенело постучал ладонями по коляске.

– Может быть, ты еще скажешь, что я тоже хожу, где хочу?!

Впрочем, той же ночью мы с ним по очереди разглядывали изрытую космической оспой поверхность Луны.

На следующий день после обнаружения подозрительной трубы я отослал родителям Кортика благодарственное письмо. Электронной почтой.

«Спасибо за напоминание, что у всего человечества, как у ничтожного инвалида, тоже есть неосуществимые мечты, но нельзя ли поменять подозрительную трубу на браунинг № 1347?»

И моя жизнь переменялась.

И месяца не прошло, как в Надом пожаловал отец Кортика. Выглядело это так. В полдень из дорогого автомобиля вышел мужчина, степенно осмотрел дом и газоны, а поднимаясь по ступенькам лестницы, достал из кармана резиновые перчатки и небольшой респиратор. Через полминуты в коридоре перед ошарашенной матушкой стоял странный человек совершенно неопределимой внешности. Матушка, естественно, попросила его снять «намордник с лица», отец Кортика с неохотой подчинился, после чего не отказал себе в маленькой издевке. Демонстрируя матушке свою физиономию и дождавшись ее удовлетворенного кивка – мол, узнала, отец Кортика поинтересовался:

– Не нужно ли снять перчатки и сравнить отпечатки пальцев с теми, которые я оставил в прошлый приезд на вот этой самой чашке? – Его палец укоризненно указал на чашку на подоконнике с забытыми остатками кофе двухмесячной давности.

Ну и кто мог такое выдать моей матушке? Только дорогой скандальный адвокат.

Пока он застыл укоризненным памятником, я успел сообщить ему, что Кортик придет сегодня не раньше четырех часов, так что респиратор можно пока не натягивать.

Но самое интересное было потом. Развернув руку, отец Кортика уставил этот самый затянутый резиной палец в меня и строго заявил:

– А я, молодой человек, к вам по делу.

Мы направились в «комнату мальчиков», с трудом преодолев небольшой затор в гостиной: я совсем запутался, кто кого должен пропустить в дверь первым: инвалид в коляске – здорового, хозяин дома – жильца, мальчик – взрослого, а пока я все это обдумывал, моя оскорбленная намеком на свою неряшливость матушка на полном ходу рванула между нами.

Ну, скажу я вам, он меня поразил!

Во-первых, устроившись удобно в кресле, папаша Кортика сразу же предложил мне сделку. Информацию о браунинге № 1347 в обмен на информацию об уголовном деле № 9645, возбужденном НКВД в 1945 году. Видно, сильно я его достал, тем что вместо восторженных благодарностей все требовал и требовал от него этот самый браунинг. Почувствовав сильного соперника, я как можно безразличнее поинтересовался, на кой черт мне сдалось какое-то там уголовное дело?

Он встал:

– Как хочешь.

Тогда я решил открыть одну карту.

– Из этого браунинга застрелился известный человек.

Папаша Кортика сел.

– Твой родственник? – спросил он.

– Больше, чем родственник.

– Кто может значить больше, чем родственник? – удивился папаша.

– Любимый поэт, – ответил я скромно.

– Ага... – Он задумался, внимательно, будто в первый раз, осматривая меня с пристрастием пораженного человека. – Дай-ка угадаю... Уж не Маяковский ли?

Я растекся от унижения. Какой-то там адвокат, видя меня пятый раз в жизни, с ходу все угадал.

– Да ты не комплексуй, – стал он меня успокаивать, – я просто прикинул, кто из поэтов стрелялся, и наобум предложил Маяковского, потому что сам его почитаю...

– У него не было браунинга, – перебил я.

– Понятно...

– Ничего вам не понятно. У него был пистолет, зарегистрированный, а браунинга этого никогда до дня смерти не было.

– И ты хочешь выяснить, кому принадлежал браунинг?

После такого вопроса я слегка воспрял духом. Конечно, он попал в точку с именем поэта, но пришел-то сюда, чтобы узнать, зачем мне этот чертов браунинг!

– Выяснять нечего. Все и так ясно. Он принадлежал чекистам, которые за ним следили.

– Тогда зачем?..

– Я хочу поиметь этот браунинг на некоторое время. Чтобы застрелиться из него, когда умрет матушка.

– Чудненько, – заметил на это папаша, не раздумывая ни секунды над моим ответом. – Чудненько. Хорошо, что ты не фанатеешь от Есенина. Это я к тому, что пришлось бы веревку искать, на которой он повесился, или его тоже?.. – не суть. А вот, к примеру, столь любимый мною писатель Бабель был расстрелян. Из-за женщины, кстати. Сталин приревновал жену Ежова к Бабелю и расстрелял его. Найти в таком случае то оружие, сам понимаешь...

– Расстрелял... – я решил уточнить, – из-за чужой жены?

– Ну да. Он ее хотел.

Лаконично, ничего не скажешь. Даже странно для адвоката. Мы помолчали, потом я вспомнил, что в самом начале папаша Кортика предлагал мне сделку.

– Да, конечно. Сделка...

Он задумался, потом вдруг спросил, знаю ли я, как зовут бабушку Икара Кортнева. Так и назвал своего сына – по имени и фамилии.

– Кортик называет ее Соль, – осторожно заметил я.

– Вроде того, – вздохнув, кивнул адвокат. Огляделся и широким жестом руки предложил мне тоже поучаствовать в осмотре. – Она мне теща. Это все принадлежит ей. Это ее дом.

Я пожал плечами. Мне нравился Надом, но обсуждать наследственные дела я не собирался – хватит с меня страданий дядюшки Мони. В тот год он трижды отвозил нас с матушкой к нотариусу, опять изменяя свое завещание. Дядя Моня предпочитал, чтобы при его подписании присутствовали все, кто имеет хоть какие-то надежды на его имущество после смерти.

– О чем ты думаешь? – спросил папаша Кортика.

– О дядюшке Моне. Я вдруг подумал, что никакой он мне не дядюшка. Он дядя моей матери. Дядя моей матери мне кто?

– Не отвлекайся, – строго потребовал адвокат. – Ты знаешь, что в этом доме был потайной сейф?

Я встрепнулся:

– Был?..

– Если ты заметил, я проводил небольшой ремонт в подвале – устанавливал лифт – и ликвидировал сейф, – поспешил удовлетворить мое любопытство адвокат.

– А бабушка Соль? – удивился я.

– Ничего не знает. Теперь в бильярдной есть в стене ниша с подсветкой и декоративной композицией в японском стиле.

– А если она приедет сюда и не найдет сейф?

– Пока Икар здесь живет, бабушка под нотой номер пять не сунется в этот дом. Очень уж беспокоится о своем здоровье. Представь, ее мать умерла от астмы. – Он многозначительно посмотрел на меня, для чего даже подался вперед в кресле, потом откинулся на спинку и великодушно предложил: – Анализируй!

Мой мозг начал лихорадочно искать решение предложенной задачи. В такие напряженные моменты под моими полуопущенными веками глазные яблоки вращаются в разные сто-

роны – Кортик как-то раз снял это на камеру и потом показал мои особенности мыслительного процесса. Зрелище ужасающее, поэтому, когда я широко открыл глаза и сфокусировал зрачки, адвокат с облегчением вздохнул.

– У Кортика наследственная болезнь? – предложил я свою версию решения загадки. – Его прабабка по материнской линии задыхалась в присутствии своей собственной дочери Соль?

– Браво, – скупое, но уважительно бросил адвокат. – Ее потом воспитывала тетка. Не родная, а жена умершего брата матери. Она от племянницы не чихала.

– А в сейфе бабушка Соль хранила секретный рецепт от аллергии?

– Нет. Она хранила там вот это. – Адвокат привстал и протянул мне конверт.

В запале решения загадки я не заметил, откуда он его достал.

Конверт надорван, достаю бумаженцию не первой свежести, и что я там вижу?

«На ваш запрос от... сообщаем, что такого-то числа 1997 года проходящая по уголовному делу № 9645, заведенного такого-то числа 1945 года первым отделом Симферопольского НКВД, гражданка Нина Гринович полностью реабилитирована в связи с отсутствием состава преступления».

Я три раза прочел, но не врубился.

– И что? – спрашиваю уже в лоб, затаившегося адвоката.

– Насчет сделки. Я расспрошу по своим каналам о браунинге, а ты попробуй выяснить, кто такая эта самая Нина Гринович и почему справку о ее реабилитации бабушка Соль хранила в потайном сейфе.

Уделал, что называется, «по полной». Я в долгу не остался. Спрашиваю заискивающе:

– Вы обиделись за то, что я не вышиваю крестиком и не выпиливаю лобзиком? Решили занять скучающего инвалида важным делом, да?

– Нисколько не обиделся, – отвечает адвокат, а сам встает и вроде собирается уходить.

Это я определил по тому, как яростно он стал стаскивать резиновые перчатки.

– Тогда почему – я? Потому что инвалид?

– Потому что ты снабжен отличной компьютерной техникой, потому что тебе всего десять лет, а мозгами ты стоишь двух моих секретарш.

– А при чем здесь возраст? – спросил я немного сурово, потому что старался скрыть очередную подкравшуюся скверну – распиравшую меня гордость.

– А при том, что ты неподсуден. Надеюсь, до четырнадцати лет ты успеешь это выяснить? Сознаюсь, от такого объяснения мне стало не по себе.

– А что со мной будет после четырнадцати?

– После четырнадцати я возьму тебя на работу в свою контору, и уже нельзя будет заниматься сомнительными операциями моей тещи – наверняка там столько наворочено, что уголовной ответственности не миновать. Ты должен стать адвокатом с незапятнанной репутацией. Вот тебе дискета... – Он опять с ловкостью фокусника продемонстрировал коробочку в своей руке и протянул мне. – Здесь все, что мне удалось обнаружить в архивах сорок пятого по Крыму.

– Можно спросить, – решился я, взявшись за уголок коробочки с дискетой. – Что еще было в сейфе?

Адвокат, не отпуская коробку из пальцев, склонился ко мне и прошептал:

– Ни-че-го. Вот что странно.

Если честно, не очень-то я ему поверил.

– А... если бабушка Кортика все-таки здесь появится?

Он уже нетерпеливо перебил меня:

– Отдашь ей конверт с письмом, делов-то! Скажешь, что я раскурочил сейф, а его содержимое отдал тебе на хранение. В конце концов, это же наша бабушка Ассоль нашла для единственного внука Икара тебя с матерью.

Это была странная новость, я быстренько отложил ее на потом и спросил уже уверенней:
– Зачем вы взломали сейф?

И дернул на себя коробочку. Папаша Кортика выпрямился, потер лоб освободившимися пальцами и задумчиво заметил:

– На то были веские причины.

И ушел.

Тем же вечером я, не обращая внимания на присутствующего рядом Кортика, позвонил его папаше и спросил:

– Что делала бабушка Соль в Африке?

После довольно долгого молчания адвокат уверенно ответил:

– Это к нашему делу не относится.

Я, понятное дело, скопировал его интонацию и, добавив к уверенности в голосе немного наглости, заявил:

– Это мне решать.

– Ладно, – сдался адвокат. – Она искала там очередной клад. Моя теща помешана на кладах.

В этом месте совершенно неожиданно в разговор вмешался Кортик.

– Какая Африка? Вранье!

Адвокат, услышав голос сына, тут же среагировал:

– Икара это не должно касаться ни в малейшей степени!

– Спроси, – не унимался Кортик, – разве Египет – это Африка? Мне все заливают про Африку, а бабушка открытки с пирамидами шлет!

– Бабушка Соль была в Египте, так ведь? – спросил я в трубку.

Адвокат молчал.

– Если мы с вами не будем взаимно откровенны друг с другом, боюсь, мне придется к четырнадцати годам искать другую работу, – перешел я к угрозам.

– Ладно, – сдался папаша Кортика, – она искала сокровища Третьего рейха. Вроде чаши Грааля. Индиану Джонса смотрел?

– Кто такой Рейх? – спросил шепотом Кортик, теперь подслушивающий прижатым к трубке ухом.

Я растопыренной пятерней отодвинул его лицо подальше и спросил:

– Нашла?

– На этот вопрос, – вздохнул адвокат на том конце провода, – тебе могут ответить только наши доблестные спецслужбы.

Не попрощавшись, он положил трубку.

– Ты собираешься работать на моего отца? – ужаснулся Кортик. – Ты – псих.

– Еги-и-ипет, – назидательно протянул я, – это Северная Африка. Повтори.

– Повторяю: ты – псих.

– Египет граничит с Ливией, Суданом и Израилем. Омывается Средиземным морем на севере и Красным на востоке.

– Хорошо, ты – умный псих.

– Ладно, не кипяти бамбук, Кортик, – сменил я тон.

– А ты не ищи рыбу на дереве, Атила, – не успокоился он.

– На вершине дерева! – простонал я. – На вершине...

Знаете, что ответил на мои страдания по поводу его плохой памяти этот девятилетний красавчик?

– Да ты ее нигде на дереве не ищи! Рыба – она же в воде!

Пришлось применить тяжелую артиллерию.

– Знаешь, что ценнее всего в мире?

Кортик почувствовал ловушку, но любопытство победило.

– Сокровища короля Рейха? Рейха третьего?

– Нет. Голова мертвой кошки.

Он замолчал, а по сценарию Дзэн Мудзю должен был спросить «почему».

– Знаешь, почему? – не выдержал я.

– Не знаю.

– А хочешь знать?

– Нет. Это из твоих закидонов на тему условности бытия, да?

– Нет, это на тему, что все в мире относительно.

– Ладно, – кивнул Кортик обреченно, – почему – голова мертвой кошки?

– Потому что никто не сможет ее оценить.

Ну вот, я ответил, а никакого удовлетворения не получил. Чтобы добить меня окончательно, Кортик подумал немного, а потом проникновенно так спрашивает:

– Атила, а при чем здесь рыба на дереве и мертвая кошка?

Ну... вы понимаете?!

Дискета с информацией об осужденных Крымским НКВД с 1945 по 1953 год потрясла меня. Я завис в ужасах переселения крымских татар и недели две уползал червем в глубь истории этой странной нации. Я бы дошел до самых истоков, но из чингизхановского ступора меня вывел очередной звонок папаши Кортика.

– Что-нибудь узнал?

– Из Крыма депортировали всех татар. Почему?

Он ответил с ходу, как будто сам только что ковырялся в татарском военном прошлом:

– Количество татар, работающих на оккупантов после захвата немцами Крыма, вызвало гнев Сталина. Не отвлекайся. Узнал, кто такая Нина Гринович?

– Жена писателя фантаста, – отпартовал я.

– Почему фантаста? – удивился адвокат. – Насколько я помню...

– Гринович относится к разделу «Гротеск, гипербола, фантастика в литературе двадцатых годов». Упоминаются его рассказы «Крысолов», «Канат» и «Серый автомобиль». Я прочитал «Крысолова». Это фантастика с ужасами.

– А роман, именем героини которого назвали бабушку Ассоль, ты, случайно, не прочитал?

– Начал, – длинно вздохнул я. – Это мелодраматическая сказка. А из сказочников я читаю только Гофмана.

– Но все-таки ты немного узнал о муже реабилитированной Нины Гринович, – то ли похвалил, то ли пожурил меня адвокат. – Кстати, может подключишь к своему исследованию моего сына? Что он сейчас читает?

– Он читает журнал комиксов на английском языке. Главный герой там – Человек-паук, – отпартовал я.

– И никакой надежды, что Икар как-нибудь на ночь... – задумчиво-мечтательно начал адвокат.

Мой приговор был неумолим:

– Будет читать фантастику и сказки? Никакой! Он вообще из всех книг предпочитает энциклопедии или справочники, да и то, если не найдет информацию в Интернете. Хотите на спор? Я могу угадать следующий журнальный интерес Кортика.

– Кортика? – удивился адвокат.

– Я так зову вашего сына. Кортик. Ему нравится.

– А мне нет, – озаботился адвокат. – Кортик... Звучит угрожающе.

– Сколько ставите? – Я решил раскрутить его на собаку.

– А ты? – попался адвокат.

– Если я проиграю, то обязуюсь прочитать Кортику вслух роман этого Гриновича, раз уж вы его так цените. Один роман. На выбор. Если проиграете вы, покупаете нам собаку.

– Да я бы и так вам пса купил, без всякого пари. А ухаживать за ним, когда он вырастет, будет, конечно же, твоя матушка и за отдельную плату, так? – поддел меня папаша Кортика. – Она же не позволит и копейки заплатить приходящему человеку. И тогда – прощай паркет в доме и деревянная мебель.

– Если вы уже сдаетесь, то знайте – я предпочитаю пуделей. Больших.

Не сразу, но адвокат согласился на пари. По его предположению Кортик должен был от комиксов перейти к журналам о путешествиях, дальних странах и парусных кораблях. Мне, соответственно, потом придется читать ему тот роман, где богатый мореплаватель сменит для романтической девушки цвет парусов на своем корабле. Я понял, что лето адвокат собирается провести вместе с Кортиком на своей яхте. Придется ему запастись респираторами.

Я же настаивал на голых женщинах, а журналы, в которых его сыночек будет это смотреть, – любые «для мужчин», на выбор адвоката.

Знаете, что из этого вышло? Мы оба проиграли. Но по-джентльменски оба выполнили свои обещания. С некоторыми отступлениями от первоначальных планов. В результате, когда Кортик от Человека-паука перешел к исследованию архивов Третьего рейха, я на ночь стал читать ему книжку фантаста Гриновича. Отказавшись от слезливого романа с парусами, историю о бегущей по воде женщине я дочитал до конца. Там тоже были корабли, паруса и все такое. Самым трудным в этом мероприятии было будить Кортика каждые пятнадцать минут.

Адвокат купил мне пуделя, не большого, а среднего, что, кстати, впоследствии было всеми воспринято с облегчением – большой пудель в припадках хорошего настроения, что вообще характерно для этой породы, не смог бы с разбега запрыгивать мне на колени, не опрокинув при этом коляску.

Пуделя называли Улисс. Матушка кормила его со своей тарелки. Кортик брал его с собой на ночь в кровать. Но прыгал Улисс от радости, только когда видел меня. Сначала – вверх на месте, все выше и выше. Потом разбежался – и ко мне на колени. Мы катались вместе с ним по дому и по двору. Со стороны соседки-птичницы забор пришлось заменить на очень высокий – у Улисса появилась мечта поймать петуха или, на крайний случай – курицу.

В общем и целом все были счастливы.

Итак, в одиннадцать лет я не спеша закапывался в тяжелую жизнь Нины Гринович, а Кортик (после гимназии, бассейна и тира) рисовал карты сокровищ, которые последователи Гитлера могли запрятать в некогда частично оккупированной ими Африке, потом читал Заратустру – по полстраницы в день. По его предположению, бабушка Соль шла по следу уже много лет и вот-вот должна была сокровища найти. Иногда, в основном по ночам, мы обменивались с Кортиком информацией. Он по присланным некогда бабушкой Соль открыткам – в большинстве это были виды гостиниц-бунгало в городах со странными названиями – пунктиром рисовал на картах приблизительный маршрут бабушкиных странствий. Я составил таблицу основных дат жизни Нины Гринович и собрался уже отправить адвокату по электронной почте отчет о проделанной работе, как вдруг Кортик случайно рассказал мне о доме бабушки Соль в Крыму.

– Большой странный дом с нависающими над обрывом террасами, с левого края три этажа, с правого один – дом ступеньками, по всем стенам вьются розы – не обычные, а те, что цветут пучками, и по маленькому дворику ходит павлин и кричит дурным голосом.

Получилось заманчиво. Чтобы я не подумал, что Кортик все выдумал (мне это и в голову не пришло – он и врать-то не умел достойно, все путал), увлеченный наследник странного дома с розами и павлином показал фотографию из давних времен, когда его еще не было.

На цветном снимке разноуровневое строение из белого шершавого камня нависало над морем, а море сливалось цветом с небом, и розы действительно висели на белых стенах уже готовыми букетами, и озабоченный павлин раскрыл свой веер на заднице – наивный – поверил в «птичку» фотографа.

Было заметно, как Кортик изнывает от желания побывать в таком сказочном месте, а для меня лично это значило одинокое лето – сын с отцом поплывут на яхте под этот обрыв.

Потом, вероятно, чтобы я оценил архитектурные способности его любимой бабушки, мне была показана еще одна фотография – черно-белая, из давних-давних времен, когда еще самой бабушки на свете не было. Старый домик в три маленьких окошка, у невысокого цветущего дерева стоят две женщины, одна держит на руках ребенка в длинной рубашке и панаме.

– Вот из какого сарайчика моя бабушка потом выстроила дом с розами в три этажа, – похвастался Кортик.

Я присмотрелся. Место на обеих фотографиях было одно и то же. Из засохшего впоследствии дерева добрые руки соорудили диковатый трон, сохранив несколько кривых веток для спинки и подлокотников.

Я перевернул старый снимок: «Нина и Леночка, Асе 3 года, 1944».

Перевернул цветную фотографию: «Прощай, Ираклий!»

– Принеси лупу, – попросил я Кортика.

Это я сделал на всякий случай, чтобы перестраховаться. Я ее сразу узнал.

– Что нашел? – дышал мне в затылок Кортик.

– Твоя бабушка Соль уже была на свете, – я показал на ребенка в панаме. – Как ее зовут?

– Соль... – пожал плечами Кортик.

– Позвони отцу и спроси, как точно зовут твою бабушку. Имя и отчество.

Пока Кортик возился с телефоном, я внимательно, миллиметр за миллиметром, изучил под лупой лицо одной из женщин. Потом открыл файл «Нина» и рассмотрел полустертый снимок из личного дела с дискеты адвоката.

– Отец спрашивает, зачем мне это нужно? – доложил Кортик, закрыв телефон ладонью.

– Скажи, что составляешь свою родословную. Рисуешь генеалогическое дерево.

– Чего?.. Ладно, пап, я рисую дерево для своей родословной. Ассоль Марковна Ландер. Спасибо. А почему она – Ландер, а я какой-то там Кортнев? Ладно, понял. Мама женилась и стала Кортневой. Ты женился? Ладно, ты женился. Хорошо, твоего дедушку я тоже запишу, диктуй. Двух дедушек? Ладно, давай двух. Пап, подожди, так высоко я дерево еще не нарисовал. Все неправильно? Прадедушки должны быть внизу дерева, в корнях? И мама хочет? Ладно, давай маму. Записываю. Маму бабушки звали Елена Ландер. Известная в своих кругах художница. Ее брат... Брат... Не так быстро!

Пока Кортик, рухнув навзничь на тахту, изображал унылым бормотанием в телефон большой интерес к своим предкам, я подумал, может ли имя Ася быть уменьшительным от Ассоль?

– Спроси, как звали жену брата. – Этой просьбой я только усугубил состояние уже почти теряющего сознание Кортика.

– Как звали жену брата? – закричал он, вероятно, стараясь тем самым перекрыть поток информации о родственниках. Посмотрел на меня дикими глазами и спросил: – Какого брата?

– Брата Елены Ландер, твоей прабабушки!

Он выслушал ответ, отключил телефон и довольно злобно на меня уставился.

– Ты меня!.. Ты у меня...

Пришлось подсказать:

– Я тобой манипулирую?

– Вот именно. Говори немедленно, зачем тебе имя жены брата прабабушки!

– А то что? – хмыкнул я.

– А то я тебе его не скажу!

Когда Кортик злится, он потеет. Вот когда я злюсь, мое тело теряет температуру, руки и ноги становятся ледяными. О чем это говорит? О том, что и здесь красавчику Икару повезло: он вампирит вас даже в моменты сильной злобы. Он забирает себе чужую энергию и подогревается изнутри! Моя матушка тоже – чем больше орет и злится, тем лучше себя после этого чувствует.

– Из разговора с твоим отцом я получил очень интересную информацию.

– Говори по делу! – потребовал Кортик.

– Твою бабушку зовут Ассоль...

– Это я сам тебе только что сказал!

– Хорошо, не кричи. По делу. У твоей бабушки была мама, ее звали Елена. Она умерла от астмы. Скажем, она жутко чихала в присутствии собственной дочери, это плохо кончилось.

– Зачем мне это знать? – Кортик почти успокоился, но все еще был против беседы на тему родственников.

– Твою бабушку воспитывала жена брата Елены. Как ее звали?

– Да откуда мне знать?

– Кортик, ты только что узнал это имя и не хотел мне говорить!

– А!.. Жена брата прабабушки... Екатерина. Это все на сегодня о бабушках и братьях?

Придется чем-то подогреть его интерес к родственным тайнам.

И я подогрел.

Можно сказать, что это был роковой для Кортика день. Его жизнь перевернулась... впрочем, я уже говорил то же самое о своей жизни после разговора с адвокатом.

Подогреть интерес Кортика на том этапе можно было только информацией о кладях, сокровищах и тому подобном. Я и сказал о потайном сейфе, который бабушка Соль устроила в подвале этого дома. Он вскочил, но не успел добежать до дверей комнаты. Узнав, что его отец ликвидировал сейф, чтобы устроить в том месте икебану, Кортик остановился, выругался, и я про себя отметил, что ругается он, как шофер.

Кортик тоже не поверил, что в сейфе было одно-единственное письмо, да и то не имело никакого шифра или информации о сокровищах.

– Отец наверняка забрал себе все ценное, а тебе подкинул письмо, чтобы ты выглядел перед бабушкой главным злодеем, когда она вернется!

Я предложил другой вариант для обдумывания.

– Твоя бабушка оставила в своей спальне в письменном столе кучу документов. На дом, на квартиру, сберегательные книжки, альбом с фотографиями. А в сейф положила это письмо о посторонней женщине, которую сначала посадили за сотрудничество с фашистами, а потом реабилитировали. Тебе это не кажется странным?

– Что значит реби...?

– Это значит, что спустя пятьдесят два года ее признали невиновной. Не было состава преступления.

– Спустя пятьдесят два года? Сколько же ей...

– Она умерла и не узнала, что ее оправдали.

– Я ничего не понимаю, – сознался Кортик. – Давай в шашки на поддавки?

– Тащи.

– А фашисты были до революции или после? – спросил Кортик, выигрывая.

– Что вы сейчас проходите по истории?

– Древний мир. – Кортик подставил мне последнюю шашку.

– А когда это было – Древний мир?

– Пять-шесть тысяч лет до нашей эры. А что такое наша эра, я не просек.

– Хочешь просечь?

– Нет. Хочу выяснить, зачем бабушка Соль спрятала это письмо в сейф.

Я задумался и нашел выход.

– А про евреев еще помнишь? Ты их историю изучал, когда подсел на глистов.

То, что Кортик изучал по собственной инициативе, он запоминал накрепко.

– Про евреев помню. Их истребляли все, кому не лень. Вавилоняне, потом – римляне, потом крестовые походы пошли. Последнее – холокост. Гитлеровцы уничтожали их тысячами. В прошлом веке. Начало сороковых годов. Во Вторую мировую. Ты опять проиграл, – сообщил повеселевший Кортик.

– Гитлеровцы во время Второй мировой назывались фашистами. Из Африки их выгнали англичане, а из России и части Европы – наши войска.

– Значит, – вздохнул Кортик, – это было после революции. Откуда ты все знаешь?

– Дядя Моня воевал, он рассказывал... – Я запнулся.

– Ваш дядя Моня – вечный штабист, – повторил Кортик слова моей матушки.

«Вечный штабист» – так она говорит.

Месяц назад моя матушка ездила в очередной раз с дядей Моне к нотариусу. И получила свою ксерокопию очередного завещания. После шестидесяти лет у дядюшки начался, как это называет моя мать, брачный период утомленного жизнью самца. Браки были недолгими. Каждый раз, когда дядя Моня разводился, он переписывал завещание на свою племянницу – единственную родственницу – мою матушку. И дом в Англии с десятью акрами земли некоторое время – обычно не больше года – условно принадлежал нам. Потом дядя Моня опять женился и писал новое завещание, по которому матушке отписывалось незначительное имущество и его золотой с инкрустацией портсигар восемнадцатого века. Для усиления любовной гармонии дом в Англии отписывался после его смерти новой жене. Браки у дяди Мони длились в среднем от полугода до трех. Потом развод – нотариус – новое завещание: дом в Англии – матушке, портсигар – в музей. При каждом новом браке музей на некоторое время терял портсигар, а матушка – имение в Англии. Из ценных вещей у дяди Мони были еще перстень с изумрудом, нефритовая фигурка медведя девятнадцатого века и коллекция монет. По некоторым намекам матушки я понял, что эти ценности дядя Моня с каждым новым браком перетасовывает между своими бывшими женами.

Я подкатился к матушке и потребовал показать последнюю бумагу от нотариуса.

– Мал еще, – отмахнулась она.

Я не отставал. Мне и нужно-то было всего лишь посмотреть на подпись дяди Мони. Уже несколько дней мне казалось, что я где-то раньше видел странную закорючку, которой подписан один из троих членов комиссии в деле № 9645.

Она замахнулась полотенцем, отстаивая свое право взрослого человека не пускать детей к важным документам.

Иногда матушка бывает непробиваемой. Я попросил другие копии завещаний с его подписью, которые были раньше и уже не имели никакого юридического значения. Она не на шутку разозлилась. Пришлось идти на попятную. Я предложил матушке посмотреть в компьютере один документ и сказать, чья там подпись.

– Дядя Моня подписался, – уверенно кивнула она. – Куда это ты влез своим шнобелем? Давай открывай всю страницу. Сорок пятый год? Все ясно. Дядя Моня тогда сажал врагов народа. Пособничество оккупантам? Ну-ка, что за фамилия? Не знаю такую.

– Сколько лет было дяде Моне в сорок пятом году?

– Дай подумаю... – Матушка застыла в раздумьях. – Лет двадцать?... Двадцать три. Что у тебя за интерес к этой бумажке?

– Дядя Моня в свои двадцать три года отправил в лагерь сорокалетнюю жену известного писателя, – разъяснил я свой интерес. – Не знаешь, почему?

– Не смей! – закричала матушка и наградила меня подзатыльником. – Не твое сопливое дело, чем занимался мой дядя в свои двадцать три года. Он нас содержал, когда я избавилась от твоего идиота папаши. В трудные времена перестройки! Никогда не забывал. Ну-ка, рассказывай, во что ты вляпался с этим ящиком!

Матушка не приветствовала мое общение с компьютером.

– Отец Кортика – адвокат... – начал я издали.

– Тоже мне новость! – хмыкнула матушка.

– Ты знакома с бабушкой Кортика? Ее зовут Ассоль.

– Ассоль? Умереть – не встать! Нет, не знакома.

– Отец Кортика сказал, что это бабушка Ассоль предложила твою кандидатуру в няни.

Матушка молча вышла из комнаты и отправилась на второй этаж. Мы с Кортиком слушали ее шаги наверху. Через пару минут она вернулась с фотографией в рамке, подошла к Кортику и сурово поинтересовалась:

– Это твоя бабушка?

– Наверное, – пожал плечами Кортик.

– Что за наверное? Ты никогда не видел свою бабушку?

– Только на фотографиях.

– Умереть – не встать! Хотя... я ведь тоже ее не видела, а мы с тобой вместе с трех лет. Вот что я вам скажу: я не знакома с этой женщиной. Теперь объясните, как она могла меня рекомендовать?

– Может быть, ты была известной сиделкой? – предположил Кортик.

– Нет. Не была. Я окончила курсы медсестер, чтобы самой делать уколы своему сыну-инвалиду и еще чтобы отличать его настоящие нервные припадки от симуляции. Я никогда не работала медсестрой в больницах, слава богу, дядя Моня не дал нам умереть с голоду! Теперь объясните, почему вы разглядываете его подпись и задаете странные вопросы.

– У бабушки Ассоль в подвале был сейф. В нем лежало письмо. Вот оно на экране.

Матушка нащупала очки на груди, надела их, ознакомилась с письмом и с облегчением выдала:

– Слава богу, эту несчастную оправдали! – Она выпрямилась, сняла очки и поинтересовалась шепотом: – Вы вскрыли сейф хозяйки дома?

– Это сделал ее зять, – отмахнулся я.

– Да. Это сделал мой папа, – кивнул Кортик.

– Адвокат вскрыл сейф, достал оттуда письмо с подписью дяди Мони и отдал его тебе? – продолжала шептать матушка.

Я впервые видел неподдельный ужас в ее глазах.

– Нет, подпись дяди Мони я нашел в других документах, они были на дискете, но дискету... – я замешкался, соображая, – дискету тоже дал мне адвокат.

– Все ясно. Это – заговор! – определилась матушка.

– И что нам делать? – опешил Кортик. – Это... Это все потому, что вы евреи?

– Ты, – ткнула она пальцем в Кортика, – ни слова не скажешь о подписи Иммануила своему отцу. А ты! – Она повысила голос, повернувшись ко мне. – Ни слова не говоришь дяде Моне! Немедленно поклянитесь жизнью своих матерей, что так и сделаете!

Мы с перепугу поклялись.

– А я... – Матушке хватило пары секунд на раздумья. – Иду в гостиную и буду обо всем этом думать. Если кто хочет попробовать печенье, которое мне очень помогает думать, то поспешите. Оно еще теплое.

Матушка клятвой связала Кортика с его отцом, а меня с дядей Моне́й, это она сделала не по глупости, а из родственных соображений. И даже печенье с изюмом не помогло ей разобратся и дать потом другие указания. Поэтому с дядей Моне́й говорил Кортик, а с адвокатом – я. Тем самым мы не причинили жизни наших матерей ни малейшего вреда. Это я придумал так поступить.

Встречу с адвокатом я обставил с жуткой секретностью. Мы должны были разговаривать в беседке, на которую так любил залетать соседский петух.

– Подслушивающих устройств здесь нет! – заявил я, как только папаша Кортика, проведя рукой по скамейке, собрался усесться.

Он завис задом и подозрительно осмотрелся.

– Не понял?

– В доме говорить нельзя, – разъяснил я. – Там же повсюду ваши камеры наблюдений.

– Не повсюду, – адвокат наконец присел.

– Да, кроме одного туалета и матушкиной спальни внизу.

– Два туалета без камер, – уточнил адвокат. – Иллюзия присутствия родителей рядом с сыном. Но ты зря беспокоишься, передается только изображение. Для передачи звука на такое расстояние нужно слишком дорогое оборудование. Что ты выяснил?

– Нина Гринович дружила с матерью вашей тещи. С Еленой Ландер. Кортик нашел фотографию сорок четвертого года, на которой они вместе. Елена держит на руках маленькую бабушку Асю.

– Почему – Асю? – удивился адвокат.

– Там написано: «Нина и Леночка, Асе 3 года».

– Прекрасно! – Адвокат встал, вероятно, считая мою миссию выполненной. – Этим объясняется наличие извещения о реабилитации в сейфе бабушки Ассоль. Бабушка Ася! – Он хмыкнул.

– Сядьте, – попросил я гробовым голосом. – Это еще не все.

Я думаю, он сел от неожиданности.

– В комиссию, которая разбиралась с врагом народа Ниной Гринович, входил Иммануил Швабер, ему тогда было двадцать три года. Я сравнил подписи дяди Мони на его завещаниях и под приговором, и матушка тоже подтвердила – подпись его.

Адвокат открыл рот, но потом скривил его в усмешке.

– Ну ты даешь, Атила! – сказал он, совсем как Кортик. – Твой дядя Моня имел отношение к этой бумажке в сейфе бабушки Аси?

– Получается, что имел. Но и это не все. Выяснились некоторые подробности появления меня с матушкой в вашей семье. Вы сказали, что именно бабушка Соль рекомендовала вам взять мою матушку в няньки.

– Не просто рекомендовала, а можно сказать – приказала! Нет, сначала она предложила твою мать в домработницы, а потом – в няньки. Пришлось ее послушаться, ведь для проживания внука за городом она предложила свой дом.

– Вы не хотели брать медсестру с ребенком, так ведь?

– Не хотели. Ты не просто ребенок, а инвалид. Извини, но...

– Все нормально. Я инвалид, и осознаю это спокойно.

– Да... О чем это я?... Мы долго с женой сопротивлялись. Но теща настояла, указав нам на профессиональные навыки и стаж работы твоей матери.

– Моя мать никогда не работала медсестрой.

– Но как же?.. – Он опять вскочил. – Мы проверяли ее документы! У нее был диплом медсестры!

– Диплом был, а рекомендаций не было, так ведь? Не было выписки с последнего места работы.

– Минуточку... Да, я этого не припоминаю... А ты откуда знаешь?

– Моя мама никогда нигде не работала. Она рано вышла замуж. В первый раз, – добавил я.

– В конце концов, – адвокат сел и оттянул узел галстука, – твое с матерью присутствие сделало жизнь нашего сына достаточно комфортной и разнообразной. У него отменное здоровье. Пока никаких увечий и травм... Давай просто подведем итог того, что мы узнали.

– Нет, не подведем, – уверенно заявил я.

– Не подведем? – опешил адвокат.

– Вы можете просто перечислить факты, но я на этом останавливаться не собираюсь. Итог подводить рано.

– Хорошо, я перечислю факты. Моя теща хранила в сейфе справку о реабилитации жены известного писателя. А твой дядя...

– Он мне не дядя. Я еще в прошлый наш разговор спрашивал, кем мне приходится дядя матери.

– Да? И что я сказал?

– Чтобы я не отвлекался.

– Вот именно. Не отвлекайся. Дядя твоей матери имел прямое или косвенное отношение к осуждению жены писателя. – Он задумался.

Выждав достаточно времени, чтобы профессиональный адвокат сориентировался в том, что сам сказал, я предложил вместо подведения итога перечислить возникшие вопросы. Тогда проще будет разбираться в первоочередности их решения.

– Вопрос первый (я загнул мизинец): наше с матушкой присутствие в доме бабушки Соль было ею подстроено с целью мести дяде Моне или по меркантильным соображениям?

Адвокат уставился на меня с удивлением и опять непроизвольно приоткрыл рот. В тот момент я почти поверил, что он совсем не в курсе дела, а бумажку из сейфа мне подсунул, чтобы занять работой и втереться в доверие.

– Вопрос второй (пришла очередь безымянного пальца): участие дяди Мони в осуждении Нины Гринович. Вопрос третий...

– Ты только что предположил две причины совершения преступлений – месть или выгода, – перебил меня адвокат. – Определись с предположениями.

– Начну с мести. Бабушка Соль родилась там же, где жила Нина Гринович, которая к тому же являлась подругой ее матери – судя по надписи на фотографии. Если мы ответим на вопрос об участии дяди Мони в деле № 9645, можно будет точно установить – месть это или меркантильный интерес.

В тот момент я сам себе ужасно нравился, а выражение лица адвоката только увеличивало мое упоение собственным умом и сообразительностью.

– Правда, тема мести несколько странная. Дяде Моне уже почти восемьдесят, ваша теща может не успеть ему отомстить. Чего она ждет? Тема выгоды мне больше нравится. Если бы вы меня не перебили и выслушали третий вопрос...

– Говори! – перебил адвокат.

– Хотелось бы знать, что именно делала Нина Гринович в оккупации. На вашей дискете только приказы, приговоры. А где хранятся дела, по которым выносились приговоры?

– Подожди, ты хочешь сказать, что у твоего... у дяди твоей матери и у моей тещи может быть какой-то общий меркантильный интерес?

– Вам это кажется невероятным? – Я изобразил удивление. – Зачем же вы тогда подсунули мне письмо из сейфа?

Адвокат молчал, напряженно что-то обдумывая. Я решил зайти с другой стороны.

– Что делает ваша теща последние годы?

– То же, что и всегда – ищет... клады... – начав уверенно, к последнему слову он совсем стушевался.

– А что она делала до того, как стала искать клады?

– Ездил с цирком по свету и искала... клады. Ерунда получается.

– Откуда вы знаете, что она ищет именно клады? – К этому моменту я начал сомневаться в умственных способностях адвоката, но своим ответом он развеял мои сомнения.

– Она их находит! – повысил голос адвокат. – Находит и получает свой процент! Официально!

– Тогда вся надежда на Кортика, – приуныл я. – Вы ничего толком не знаете.

– В каком смысле?

– Я думал, вы все знаете и будете постепенно подсовывать мне новые факты, проверяя мои умственные способности и интуицию на разгадке составленного вами кроссворда по поиску сокровищ.

– Сокровищ? – удивился он.

– Ну да. Вы занимаете мое время решением логических задач, изучением истории и вашего семейного архива, а в конце мы с Кортиком найдем замшелый сундучок с сокровищами.

– Ты сказал – вся надежда на Кортика. А при чем здесь мой сын?

– Я говорю с вами, а он – с дядей Монею. Потом мы суммируем информацию.

– Я не хочу, чтобы мой сын... – требовательно и почти зло начал адвокат, и тут уже я его перебил:

– Поздно. Гены сработали.

– Какие еще гены?!

– Ваш сын по ночам чертит карты предполагаемых мест хранения сокровищ, которые последователи Заратустры могли спрятать в Египте.

Следует признать, что Кортик получил нужную информацию гораздо быстрее, чем я.

Дело было в воскресенье. Он подошел к старому «Плимуту» дяди Мони, когда тот со скоростью хромой утки проехал все дорожки от ворот до Надома и остановился у крыльца. Подошел и сквозь стекло стал смотреть на старика. Дядя Моня минут через пять понял, что мальчишка пришел не просто поздороваться, и опустил стекло.

Кортик, не раздумывая, начал с главного:

– Иммануил Швабер, это вы вели дело № 9645?

Дядя Моня изумился, но вида не подал.

– Какого года? – спросил он.

– Тысяча девятьсот сорок пятого, – отрапортовал Кортик. – Дело жены одного писателя.

– Я, – сознался дядя Моня, открыл дверцу и осмотрел «пионера» с головы до ног, после чего огласил приговор: – Десять лет лагерей. – Подумал и добавил: – Выжила. Вернулась в Крым.

– А что она сделала? Что значит – пособничество врагам? – продолжал допрос Кортик.

– Работа на врага в оккупированной зоне.

Кортик немного подумал, потом спросил:

– А где она еще могла работать в оккупированной зоне?

Дядя Моня тоже немного подумал и ответил:

– Нигде. Она могла уйти в подполье и вредить врагу. Но, имея на руках психически нездоровую мать и сильно опасаясь, что немцы ту просто ликвидируют, Нина Гринович пошла работать в типографию.

– Что она делала в типографии? – уточнил Кортик.

– Да уж не полы мыла! Она принимала самое активное участие в выпуске немецкой газеты. С ее участием было выпущено пять экземпляров фашистского средства массовой информации.

На этом разведывательная миссия Кортика была закончена – он узнал все, о чем я просил, но как всегда это бывает в беседах со взрослыми, из каждого их ответа вытекает масса новых вопросов. Например, таких:

– Немцы всегда убивали психов?

– На оккупированных территориях они в первую очередь убивали психически больных и цыган, – подтвердил дядя Моня.

– А вы? – прищурился Кортик.

– Уважаемый *пионер*, вы переходите границы дозволенного. Станьте прямо перед полковником в отставке! Руки по швам!

– Я нечаянно, я не так спросил, – повинился Кортик, выпрямившись и вытянув руки.

– Что вы хотели спросить? Не был ли я психом?

– Нет, конечно. Я хотел спросить, вы убивали людей?

– Естественно, убивал! А теперь позвольте и мне уточнить некоторые детали нашей беседы.

– Не знаю никаких деталей, – тут же отбился Кортик.

– Тогда откуда вы могли узнать секретную информацию и номер дела сорок пятого года?

– Из письма. А письмо было в сейфе моей бабушки. Эту самую Нину Гриневич...

– Гриневич.

– Да, Гриневич, ее рели... оправдали, а она уже умерла и не узнала этого.

– Дай-ка подумать... – Дядя Моня закрыл глаза, чтобы зеленый цвет газонов и яркие листья облетающего клена на них не усугубляли сумбур в его голове. Посидев так немного, он приподнял тяжелые веки. – Я понял. Твоя бабушка получила известие о реабилитации Нины Гриневич. – Сумбур в голове не проходил, Иммануил Швабер перешел на «ты»: – Твоя фамилия, если не ошибаюсь, Кортнев?

– Не ошибаетесь.

– Кортнева... Кортнева... – Дядя Моня опять закрыл глаза и пробормотал: – Нет, не помню такую...

Если бы в тот момент Кортик назвал фамилию своей бабушки – Ландер, сумбур в голове дяди Мони сразу бы улегся, и он бы все понял, и Кортик мог получить дополнительную информацию, и у нас тогда не было бы полдня простоя в расследовании этого дела.

Может быть. А может быть, и нет. Важно не это. Гораздо более важным тогда оказалось другое.

Сочтя беседу с *пионером* законченной, дядя Моня повернулся назад и сказал:

– Павел Игнатьевич, приехали.

С заднего сиденья поднялся шофер, который обычно возил Кортика по всем местам учебы, отдыха и развлечений. Выглядел он неважно. Когда он так выглядит – а это бывает обычно по понедельникам, – матушка не разрешает ему садиться за руль «Лендровера» и вызывает такси, и шофер ездит с Кортиком в такси как пассажир.

Шофер выбрался из машины, потрепал Кортика по волосам, помог выйти дяде Моне, и они пошли в Надом, где дядя Моня выпил чаю, а Павел Игнатьевич принял с моей матушкой лекарство.

Пока взрослые пили чай и лечились, Кортик передал мне полученную информацию. Было решено подняться в комнату бабушки Соль и провести там обыск и более тщательное изучение ее альбома с фотографиями.

Кортик никогда не ездил со мной в лифте – «...ах, мой милый Августин, все про...» – Августин! – кричал Кортик, поднимаясь по лестнице. – Все прошло!.. Все прошло!.. За ним, повизгивая от радости, бежал Улисс.

Мы потрудились на славу. Даже стены простучали. Если и в этой комнате есть видеокамеры, то папаша Кортика повеселится на славу. Вся добыча – кучка черно-белых фотографий, выпавших из второго тома Льва Толстого.

Разложив фотографии на полу, мы определили, что все они с одного мероприятия, а именно – с похорон.

– Ты не замечаешь ничего странного? – спросил я у Кортика.

– Замечаю, – кивнул он. – Дядя Моня в странной шляпе и с усами. Это точно он, посмотрю на нос!

Я задержал дыхание. Фотография, на которую указывал Кортик, была самой малонаселенной. У закрытого гроба, который поставили на землю, стоял высокий мужчина в шляпе и длинном кожаном пальто, зауженном в талии. В нескольких шагах от него маячили еще двое мужчин с лопатами. Неподалеку – ограда, за нею кое-где могильные памятники и больше никого из людей.

На остальных снимках народу прибавилось, но все было странно, неорганизованно. Люди стояли кучками у холмика с землей. Еще на одной – невысокий памятник неподалеку от свежей могилы.

– А ты что странного заметил? – спросил Кортик.

– Фотограф снимал издали. Так похороны не фотографируют. У моей матушки много фотографий с разных похорон, на них куча родственников, да еще и мертвец в гробу крупным планом. Все рыдают и позируют. А здесь, видишь, кто-то снимал с далекого расстояния. Вот на этой фотографии ветка мешает, а лиц людей вообще не разглядеть – далеко.

– Что ты думаешь? – спросил Кортик.

– Ты первый говори.

– Я думаю, что это похороны. И что фотографировала из кустов бабушка Соль. Видишь, ее нигде нет, и фотографии она не положила в альбом, а спрятала в книжке. Теперь ты говори.

Я тоже решил, что снимала бабушка Соль и что это могли быть похороны Нины Гринович.

– Покажем дяде Моне эту фотографию? – предложил перейти к действиям Кортик.

– Сейчас? – ужаснулся я.

– А вдруг он завтра умрет? Сам говоришь, что он все время пишет завещания. Он может умереть в любой момент, и мы тогда ничего не узнаем.

– Он пишет завещания не потому, что готовится к смерти, а потому что готовится к свадьбе!

– Тем более! – завелся Кортик. – Укорачивает свою старческую жизнь сексом.

И мы отправились с фотографиями вниз. Кортик – по лестнице, Улисс – за ним, я – на лифте.

Кортик добежал первым. Когда я подъехал на коляске, он уже нетерпеливо топтался в дверях столовой, а трое взрослых за большим круглым столом смотрели на него с задумчивым недоумением.

Я подъехал, взял у Кортика один снимок и бодрым голосом объявил:

– Дядя Моня, мы тут в бабушкиной спальне нашли вашу фотографию.

– Да, – поддержал меня Кортик. – Вы на ней с усами и в женском кожаном пальто.

Немая сцена.

Дядя Моня недолго разглядывал фото, потом перевернул его, и я обругал себя – ничтожный мученик ада, потерявший соображение! – я не посмотрел на оборотные стороны снимков, а ведь там столько может быть написано!

– Тысяча девятьсот семидесятый, – задумчиво произнес дядя Моня и по очереди одарил нас с Кортиком тяжелым взглядом. – Крым...

– Моня, расскажи мальчикам, кого ты там похоронил, а то они бог знает что напридумывают, – попросила матушка.

– Это была рабочая командировка с соответствующим грифом секретности, а сорок лет еще не прошло! – заявил дядя Моня.

Мы с Кортиком хором вдохнули воздух и со стоном выдохнули. Тайна ускользала от нас из-за какого-то там грифа секретности!

– А можно не считать этот срок? – спросил Кортик. – Я подумал, вдруг... Ну, вдруг вы неожиданно... Вы же уже старый, все может случиться.

– Хорошо. Я вам расскажу, кого похоронил в семидесятом, а вы, молодой человек, за свою наглость будете наказаны.

– Я согласен! – подпрыгнул Кортик.

– Вы будете наказаны свадьбой, – заявил дядя Моня.

– Как это? – От неожиданности я сильно дернул за обод левого колеса и закрутился на месте.

– Свадьбой? – прошептал Кортик.

– Именно. Вы будете присутствовать на моей свадьбе. Поднесете кольца в нужный момент.

– А, кольца!.. – перевел дух Кортик.

– Вы будете в греческой тунике.

Я прыснул. Кортик занервничал.

– С венком из лавровых листьев на голове и с луком через плечо! – громко объявил дядя Моня и для подтверждения своего решения стукнул ладонью по столу. Отчего шофер Павел Игнатьевич поднял голову, лежащую на столе рядом с тарелкой, подпер ее рукой, обвел всех присутствующих отстраненным взглядом и погрозил пальцем:

– Детей бить нельзя...

Дядя Моня ждал, не сводя тяжелого взгляда с Кортика. Тот растерянно посмотрел на меня.

– Туника – это женское платье?

– Да нет, это носили все греческие боги и мужчины, – успокоил я его как мог.

Кортик посмотрел на фотографии на столе. Опять – на меня.

– Деточка, ты будешь неотразим, ты же настоящий греческий бог! – прошептала моя матушка, подтянула к себе Кортика за руку и поцеловала его в лоб. – Тебя я тоже очень люблю, – сообщила она мне, как обычно делала после ласки другого мальчика.

– Ладно... – вздохнул Кортик.

– Непременное условие! – тут же проблеял дядя Моня. – Никаких стрижек до регистрации брака. Никаких парикмахерских в ближайшие десять дней.

– А он и не собирался. – Матушка потрогала светлые кудри Кортика и обратила свой взгляд на меня. – А вот тебя давно пора стричь!

Дядя Моня тоже посмотрел на меня и спросил, с чего начать?

– С сорок пятого года! – сказали мы с Кортиком хором.

Вот что мы узнали.

Получив в двадцать лет ранения на фронте, дядя Моня с сорок четвертого года находился при штабе N-ской армии, освободившей Крым.

– Ты был энкавэдистом? – поинтересовался Павел Игнатьевич, после чего опять уронил голову на стол.

– Не засоряй мозги подрастающему поколению. Я работал на страну и на победу. А Нина Гринович работала на немцев, печатала газету в типографии. У нее был аусвайс, но тогда существовал комендантский час. Она попалась патрулю и была отправлена в трудовой лагерь.

– В Германию, – кивнула матушка.

– Нет, не в Германию. В Прибалтике тоже были немецкие лагеря. Сгинуть она там не успела, но и возвращаться домой ей было не с руки – из одного лагеря в другой. Но она вернулась. Она могла остаться в Прибалтике, как жертва концлагеря, под другим именем – кто бы там документы проверял после освобождения! Знала, что в Крыму ее обязательно арестуют за пособничество немцам, но вернулась. У нее, видите ли, была идея. Устроить музей своего похороненного в Старом Крыму мужа. Ради этого и вернулась. И на что она надеялась, я вас спрашиваю? – Дядя Моня осмотрел всех присутствующих: – А вот на что. Оказывается, печатая немецкую газету, Нина Гринович узнала важные для советской разведки сведения. Она спрятала один листок дома. Вернувшись, достала его и сама пришла в отдел Наркомата.

– Таки ей было на что надеяться! – вступила моя матушка. – Она рассчитывала на прощение, если данные из газеты имели ценность для Советской армии.

– Таки зря надеялась! – разнервничался дядя Моня. – Ее сначала приговорили, а потом стали исследовать содержимое газеты. Нашли кое-что интересное. Например, по затонувшему «Германику» – гордости немецкой нации, огромному кораблю, который потопила наша подводная лодка. Я знаю, что в сорок шестом к ней в лагерь дознаватель приезжал. Видно, информации из той газеты было недостаточно. Не знаю, помогла ли ему жена писателя, но срок ей не скостили. А капитану подводной лодки, который выпустил по «Германику» торпеды, героя дали.

– Теперь про похороны, да? – не выдержал такого длительного отступления Кортик.

– Помедли, молодой человек! – осадил его дядя Моня. – Были годы после лагерей, когда Нина Гринович вернулась в Крым.

– Она-таки сделала музей? – спросила матушка.

– К тому времени в домике писателя председатель исполкома устроил себе курятник. Эта женщина была бесправна, она не могла пойти и выгнать птицу из домика. Она пошла другим путем. Она начала писать в Союз писателей, составлять сборники произведений своего мужа, жаловаться, просить, требовать. Через три года такой деятельности Союз писателей прибавил ей пенсию, как вдове Гриновича. Председатель сам убрал кур и уток, а уж вычистить после этого дом было для Нины Гринович после лагерей плевым делом. Хоть она и вернулась больной и почти лысой.

– А потом она умерла и тайну с собой унесла в могилу? – опять потерял терпение Кортик. Его усадили за стол и дали чаю.

– В семидесятом году я все еще был на плаву. Евреи и тогда никому не нравились, но я выбился в офицеры госбезопасности. И вдруг мне сообщают, что Нина Гринович при смерти. Подняли дело сорок пятого. Уже из архивов контрразведки. Предложили мне отправить к ней человека для беседы. Вдруг она не все отдала в сорок пятом? А потом обиделась за лагеря. К тому времени домик писателя стал музеем. И все отдыхающие в Крыму считали необходимым посещать его, а потом, как полагается, фотографировались с вдовой. Могилку писателя вдова привела в хорошее состояние. На могилу тоже ходили толпами. Никто не вспоминал Нину Гринович, осужденную за пособничество оккупантам, она стала вдовой известного писателя, книги которого обожали женщины и дети. Вероятно, молодой человек, – дядя обратился к Кортику, – ваша бабушка тогда жила в Крыму или приезжала отдохнуть – в судьбе вдовы многие принимали участие. Из ее похорон местные жители собирались демонстрацию устроить. Одних венков было заготовлено полста. Вот мне и намекнули, что осужденная на десять лет лагерей не должна иметь такое важное погребение. Я сам поехал.

– Она сказала вам про сокровища? – уже почти не надеясь на тайну, спросил Кортик.

– Молодой человек, – уставился на него дядя Моня. – О чем вы все время твердите? Какие сокровища?

– Утонувшие! – не выдержал и я тупости взрослых. – Вдова писателя хотела откупиться от ареста важными сведениями о сокровищах на затонувшем корабле! Это же понятно!

– Не смей повышать голос на дядю Моню! – закричала матушка и повернулась к дяде: – Подростки. – Она поправила ему воротник рубашки, смахнула крошки с вязаной шерстяной безрукавки. – Ничего, через пару лет они забудут про сокровища, будут интересоваться девочками.

После этих слов дядя Моня покосился на меня с исследовательским интересом. Потом очнулся, сопоставив образ в инвалидной коляске и девочек, и продолжил:

– В чем-то они правы. Но это не золото-серебро в сундуке капитана Флинта. Из немецких архивов удалось выудить информацию о перевозке на «Германике» ядерного вещества. Немцы тогда всю разрабатывали новое оружие. Радий стоил куда дороже золота.

– И что? – уныло поинтересовался Кортик. Его явно не вдохновило услышанное.

– Информация не подтвердилась. Во всяком случае, если речь и шла о радиии, то не в таком количестве, ради которого стоило начинать поисковые работы. Потом в сорок пятом американцы устроили Хиросиму, а там уж и мы через пару лет сделали атомную бомбу. А Нину Гринович я в живых не застал.

– Но ты ее похоронил? – Я кивнул на фотографию на столе.

– Вы просили тайну? Вот вам тайна. Я ее похоронил в семидесятом. Тихо, без шума. Вернулся в Москву. А через полтора года меня вызвали к председателю КГБ и отправили в Крым. Задание такое: выкопать останки вдовы писателя и тщательно их обыскать.

– Зачем? – выдохнул Кортик с ужасом.

– Если бы я чего нашел, я, может быть, спустя столько лет сказал вам, зачем. Но могила Нины Гринович оказалась пустой. Вот так, молодые люди.

– Пустой гроб? – Мне стало не по себе.

– Гроба тоже не было. Ну как? Не разочарованы?

– Что ты такое рассказываешь, Моня?! – возмутилась матушка.

– Но они же хотели узнать страшную тайну! Надеюсь, я оправдал их ожидания. Помните, юный греческий бог – никакой стрижки до свадьбы!

– Ты все выдумал? – Матушка улыбнулась и легонько толкнула дядино плечо своим.

– Детям врать нельзя. Можно чего-то недоговаривать в силу незрелости их мышления. А врать нельзя.

Шофер Павел Игнатьевич приподнял голову и подтвердил:

– Детям врать нельзя!

Дядя Моня встал, собираясь уходить. Матушка тоже встала.

– Минуточку! – Я подъехал поближе к столу и показал на фотографии: – Странные похороны за оградой кладбища. Почему ее не захоронили рядом с мужем?

Дядя Моня, опершись о стол, со старческой невозмутимостью поднял сначала правую ногу, затем – левую, и ждал, когда присевшая рядом матушка поможет его ступням попасть в ботинки, а потом завяжет шнурки. Он ответил, когда матушка встала и погрозила кулаком в мою сторону.

– Эта информация, молодой человек, пока вам недоступна в силу малого возраста.

– Вы вообще на чьей стороне? – спросил Кортик. – Кто-нибудь извинился перед вдовой за лагерь?

– А вот это не обсуждается в силу незрелости вашего мышления, юные пионеры.

Кортик в греческой тунике, в сандалиях с переплетенными на икрах веревками, с огромным луком через плечо и длинной стрелой в руке (этой стрелой да из такого лука можно было

сразу насадить, как на шомпол, полдюжины желающих подставить свое сердце Амуру) произвел на свадьбе фурор. Желających сфотографироваться с ним было столько, что мой друг тут же получил эксклюзивное предложение о подработке в загсе в летние каникулы.

Через месяц после нашей беседы с дядей Моне́й пустующий дом напротив, обложенный черным камнем, заселили. Новый жилец оказался невысоким приземистым немцем с обширной плешью от лба до затылка и в круглых очках на небольшом остром носу. Его пухлый рот всегда был в положении готовности к чмоку, отчего щеки казались втянутыми.

– Почему ты решила, что он немец? – спросил я у матушки.

– Ты видел его жилетку? Нет, ты видел его жилетку? А не видел, так и не говори ничего! Такие жилетки носят только одесские евреи и обрусевшие немцы.

Вы уже-таки поняли, что моя матушка была одесской еврейкой?

– А может быть, он одесский еврей? – поддел я ее.

– С такой жиденькой шевелюрой в пятьдесят восемь лет? Я тебя умоляю! Немец из Кёнигсберга.

– Откуда ты знаешь, сколько ему лет?

– Охранникам на въезде в поселок нравятся мои пирожки с творогом. Я могла поинтересоваться новым соседом?

Через несколько дней после заселения немца случился неожиданный звонок от бабушки Соль. Обычно она звонила поздно вечером, чтобы застать Кортика дома, а тут – в девять утра. Я взял трубку и предложил ей перезвонить на мобильный внука. Бабушка Соль только фыркнула.

– У меня к тебе несколько вопросов. Тебя действительно зовут Атила, или это прозвище?

– Действительно, – ответил я, едва не спросив, а с чего ей пришлось в голову назвать внука Икаром.

– Тогда, Атила, говори, что у вас нового. Говори быстро и как на духу.

Поскольку она не определила, что имеет в виду под «новым», я сообщил то, что волновало меня:

– На даче напротив поселился сосед. Матушка говорит, что он немец.

– Вот именно! – возмущенно выкрикнула бабушка Кортика в трубку. – Отец Икара часто приезжает?

Я не сразу сообразил, что значит «часто», и ответил неопределенно:

– Бывает.

– Он лазил в мой сейф? – вдруг спросила она.

Пока я лихорадочно перебирал в голове варианты ответов, бабушка Соль раздраженно приказала:

– Говори – да или нет!

– Да.

– Давно?

– Да.

– А ты не видел, случайно, что он туда положил? – спросила она вкрадчиво.

– Ничего он не мог туда положить.

В трубке наступила тишина. В эту минуту я почувствовал ее совсем рядом, как будто она стояла позади коляски и, наклонившись, дышала мне в макушку. Мне стало стыдно – я столько разного узнал об этой женщине без ее на то разрешения, что врать было невозможно. Я сказал, что сейфа больше нет.

– И что там теперь вместо сейфа? – Она, казалось, не удивилась моему сообщению.

– Икебана.

– А ты не знаешь, что адвокат сделал с бумагами из сейфа? – Она понизила голос до заговорщицкого шепота.

Эта попытка привлечь меня на свою сторону была лишней – я уже был ее рабом.

– Одну бумажку он мне отдал.

– То есть... не Икару? – не поверила она.

Мне стало обидно. И я дал понять, что тоже чего-то стою.

– Иммануил Швабер, дядя моей матери, вас помнит.

– Этот старый козел еще жив? – весело спросила она.

– Да. Недавно женился.

– Ну вот, сколько нового я узнала!

– Вы позвонили утром, чтобы посплетничать с моей матушкой?

– С тобой мне тоже понравилось.

– Да? Тогда ответьте на один вопрос. Кто такой Ираклий?

– Павлин?... – Судя по голосу, она ужасно удивилась. – Это мой павлин, он уже умер. А откуда?..

– Кортик показал мне фотографии вашего дома в Крыму.

– Ах так? Я вижу, ты серьезно занялся изучением моего прошлого. Слушай, Атила. Хочешь увидеть большое-большое удивление на лице моего зятя?

– Зятя? – не сразу понял я. – Адвоката. Что значит большое удивление?

– Это когда у него челюсть отваливается, а потом он изображает что-то вроде кривой улыбочки.

Я засмеялся – так здорово она описала знакомое мне выражение.

– Вижу, ты меня понимаешь. Скажи ему, что из-за его глупости с уничтожением моего сейфа на днях убили русского летчика. В Бразилии. В гостинице Рио-де-Жанейро.

– И что? – я напрягся.

– Он приехал на выставку оборонных технологий. После убийства кое-что из этих самых технологий пропало. Прибор, который может найти в куче металлолома любую заданную кристаллическую структуру, например свинца.

Поскольку я ничего не понял, то спросил, поймет ли адвокат все, что она сказала.

– Конечно, не поймет! – уверенно заявила она. – Пока не поймет. Но челюсть уронит.

– И то, что вы сказали, имеет отношение к бумагам из сейфа?

– Это и дураку ясно, – оценила мою сообразительность бабушка Соль и положила трубку.

Я не находил себе места, пока в Надом не приехал адвокат.

Сначала я отчитался о проделанной работе. Было заметно, что он поражен.

– Не ожидал... Ваш дядя Моня, бабушка Соль, похороны Нины Гринович. Не ожидал... Повестушку обо всем этом не хочешь написать? – вдруг спросил он, уколов меня хитрым взглядом.

– Нет. Я хочу...

– Да, конечно, – перебил меня адвокат. – Ты хочешь браунинг № 1347. Вуаля!

Он стукнул по столу револьвером. Рядом со сканером эта вещь казалась первобытной до дикости.

Я сидел и смотрел на оружие, не притрагиваясь к нему.

– Возьми его в руки, – предложил адвокат.

Я взял. На стволе у рукоятки было выгравировано латинскими буквами: браунинг патент № 1347.

– Тяжелый... Он заряжен?

– Нет. В нем было два патрона. Я их вынул.

– Как вам удалось его достать?

– Адвокатский принцип взаимного обмена.

– Это... дорого?

– Все относительно. Зависит от усилий, которые человек прилагает. Мне это почти ничего не стоило. А теперь, с твоего позволения, я его заберу.

– Как это?... – опешил я.

– Ты собрал и систематизировал информацию на заданную тему. Я привез тебе браунинг. Он твой. Как только получишь паспорт, я помогу на него разрешение оформить. Зарегистрируем как коллекционное оружие. Деятнадцатый век все-таки.

– Подождите! Так нечестно.

– Почему – нечестно? Это твоя вещь, она хранится у твоего адвоката.

– Тогда пусть хранится в этом доме.

– Здесь нет сейфа, – возразил адвокат и злорадно напомнил: – Я его ликвидировал! Как только захочешь подержать браунинг в руках, звони. Я приеду и привезу его.

Я задумался. Была во всем этом какая-то ловушка, но уличить адвоката в мошенничестве...

Заметив мои потуги выйти из ситуации хоть с каким-то положительным результатом, адвокат подтянул коляску к себе, наклонился и сказал мне в лицо:

– Ты выбрал вещь, которой в твоём возрасте не можешь владеть. Ты мог попросить кольцо с бриллиантом или говорящего попугая. Но ты предпочел то, что недосыгаемо. Почему?

Я задумался и предложил ему следующее:

– «Тот, кто играет на арфе без струн, может так же играть на флейте без мундштука».

Я и сам толком в тот момент не понял, что именно хотел сказать.

Адвокат откинулся на спинку стула.

– Тэтгэки Тосуи, – сказал он, усмехнувшись. – Железная флейта. Гэнро. Берешь стержень, на котором нет ни мундштука, ни отверстий для пальцев, и играешь. Я всегда не доверял Востоку. Я им восхищался, но не доверял. «Платье Голго короля» – помнишь? Есть такая сказка.

Я неопределенно кивнул.

– Двое портняжек проникли в королевский двор и изображали изготовление дорогого наряда, за что брали большие деньги. На кружева, на золотое шитье, на редкие ткани. Придворных, желающих посмотреть на их работу, они приглашали в мастерскую, показывали голые стены, на которых якобы висели одежды, а кто эти одежды не видел, объявлялся дураком. Никто не хотел прослыть дураком. Соловьев назвал буддизм «религией эгоизма». Мне всегда было не по себе в позе лотоса, я не умею играть на флейте без мундштука и на арфе без струн. Но всегда могу изобразить, что играю – чувствуешь разницу? Если ты слушатель – тебе выбирать, слышишь ли ты музыку, или ты дурак.

– А если я не изображаю? Если я абсолютно уверен, что сыграю на любой железке как на флейте. Как бы сказать точно... Это оружие – оно стало моим, как только я захотел им воспользоваться. Может быть, потому, что больше никто его не хотел? – закончил я неуверенно. – Оно никому больше не нужно...

Адвокат посмотрел на меня с сочувствием:

– Ты сильнее, чем я ожидал. Что ж, тогда и говорить нам будет проще. Предположим, я слышу твою флейту, поэтому принес тебе браунинг, хоть ты и не можешь им владеть. Условия сделки выполнены.

– Он мне нужен! – настаивал я.

– Не нужен. Тебе всегда будет нужен человек, который бы этот браунинг смог раздобыть. Ты так оцениваешь людей – по способности найти условную вещь, по умению слышать твою игру на железке без отверстий. И так ты навязываешь человеку свою цену.

– Может быть, вы знаете, что ценнее всего на свете? – ехидно поинтересовался я.

– Знаю. – Адвокат встал. – То, что невозможно оценить. Икар! – вдруг крикнул он, отчего я дернулся. – Хватит подслушивать за дверью, заходи!

Он положил оружие в металлический ящик с задвижкой и натянул респиратор. В ящике что-то звякнуло. Может быть, те два патрона?

– Я и не подслушивал. – Кортик заглянул в приоткрытую дверь. – Я не хотел вас перебивать. Тебе позвонили, матушка сказала, чтобы отца не отрывали от общения с сыном.

– Извини, пойдем к тебе. – Адвокат быстро направился к двери.

– Мне так не нравится. Позвони. Вдруг твой ребенок заболел?

– Не выдумывай.

– Тебе пора домой.

Я слышал, как адвокат удивился в коридоре:

– Икар, ты что, не хочешь меня видеть?

– Видеть? Хочу видеть, но тебе все равно нельзя снимать эту штуковину с лица.

– Хорошо, я сниму. Немедленно!

– Не надо, пап...

– Сейчас же обними отца!

В коридоре послышался топот ног. Я понял, что Кортик убегает от снявшего респиратор папаши, и выкатился в коридор посмотреть на это зрелище. Они кинулись в столовую и бегали вокруг матушки, которая ничего не поняла и стала кричать, а потом хлестать полотенцем того, кто попадался под руку.

Через полчаса адвокат прилег на диване в столовой с мокрым полотенцем на голове и с засунутыми в ноздри тампонами, sprыснутыми специальным аэрозолем – скорая помощь при сильном раздражении слизистой.

– Звонила бабушка Соль, – сообщил я, подкатившись к адвокату поближе.

– Кому? – спросил он.

– Мне.

Он приподнял голову и посмотрел на меня, придерживая полотенце на голове.

– Надеюсь, ты?...

– Я рассказал о сейфе. Вы сами разрешили, если она спросит.

Адвокат лег и задумался.

– Почему вы его ликвидировали? – спросил я.

– У меня были на то веские причины, уверяю тебя. В этот дом трижды пытались забраться воры. Ничего не крали, но тщательно все обыскивали. Я подумал, что же может так привлекать их внимание? В доме нет ничего ценного, телевизор – и тот один-единственный. Причина могла быть только в секретах моей тещи. Я осмотрел здание, но не обнаружил ничего интересного. В четвертый раз, когда я уже начал ремонт перед вашим сюда заселением, воры нашли потайной сейф в бильярдной и пытались его взломать.

Адвокат вытащил из ноздрей тампоны и задумчиво их осмотрел. Говорить ему после этого стало легче, по крайней мере он перестал гнусавить.

– Их спугнули. Я не мог поселить няню с двумя маленькими детьми в доме с сейфом, который так привлекает к себе внимание. На глазах рабочих и с их помощью я его выдрал из стены и раскурочил. Я даже под каким-то глупым предлогом позвал двух соседей и охранника с въезда в поселок, чтобы все это видели. После чего все попытки проникновения в дом прекратились. Итак, ты сказал ей, что сейфа больше нет. И что она? Кричала? Ругалась?

– Она просила вам передать...

– Представляю! – хмыкнул адвокат.

– Что в Бразилии на днях убили русского летчика.

Адвокат сел, приоткрыв рот. Потом кивнул:

– Узнаю тещу!

Матушка подошла к нему с пепельницей. Несколько секунд адвокат смотрел на керамическую тарелку с лепной фигуркой растянувшейся на ней полукругом голой женщины, как на диковинное насекомое, незаметно подобравшееся близко. Потом сообразил и бросил в пепельницу свои тампоны из носа.

– Этот легчик приехал на выставку оборонных технологий. С выставки пропал прибор... Минуточку... – Я достал блокнот, который крепился в ручке кресла. – Пропал поисковый сканер по обнаружению металла путем анализа его кристаллической решетки. Она сказала, что этим сканером, скорей всего, будут искать свинец.

– Тебе нужен свинец? – поинтересовался адвокат.

Я неопределенно пожал плечами.

– И мне свинец не нужен! – нервно объявил он. – Эта женщина больна. Она может часами слушать новости по всем каналам, включая кабельные, а потом из разрозненных фактов, вроде убийства известного кутюрье или встречи через шестьдесят лет двух любовников в Риме, делает свои умозаключения, кричит: «Я так и думала!» – и начинает паковать чемоданы.

– Бабушка Соль знает много иностранных языков! – крикнул Кортик из моей комнаты.

– Всего пять! – крикнул в ответ адвокат.

Тут вдруг моя матушка, вытирая вымытую посуду, сказала от стола:

– Свинец предохраняет от радиоактивного излучения, – подумала и добавила: – Можно сказать, только он один и предохраняет.

Я уставился на нее, адвокат со стоном повалился на диван, а матушка кивнула, чтобы я оставил его в покое. Я покатил в свою комнату. К Кортику.

– Теперь – понял? – спросил он. – Понял, как отец выигрывает свои процессы?

– Как?

– «Мой подзащитный мог похитить кольцо с бриллиантом или попугая, но он хотел иметь то, что иметь не мог, поэтому заведомо выбрал нечто недостижимое. – Кортик изобразил отца на суде. – Чужую человеческую жизнь! Можно ли считать это убийством? Или всего лишь желанием поиграть на арфе без струн?»

– Прекрати, ты ничего не понял! – Я не смог сдержать смеха.

– Да ладно! – Кортик повалился на тахту и снисходительно посмотрел на меня. – Он обещал тебе браунинг? Обещал. Принес? Принес. Ты его имеешь? На этот вопрос, господа присяжные, ответить сложно, потому что нельзя иметь то, чем невозможно обладать! Вот тебе адвокатский подход к жизни.

– Ты слышал все, что я говорил в столовой?

– Все, – вздохнул Кортик. – С сокровищами полный пролет.

– Некоторые так не думают.

– Кто эти некоторые? – спросил насмешливо Кортик.

– Те, кто пытался взломать сейф твоей бабушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.